

**КИРА
ИЗМАЙЛОВА**

ГОРОДСКАЯ

МАГИЯ

Кира Измайлова
Городская магия

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

2008

Измайлова К. А.

Городская магия / К. А. Измайлова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», 2008

Этот мир до мелочей похож на наш, только магия в нем стала частью повседневности. Выпускнице факультета общей магии нечего рассчитывать на интересную работу по окончании вуза. Наина была близка к тому, чтобы оставить Государственный магический университет, однако решила из любопытства проверить, насколько правдивы разноречивые слухи о том, будто на таинственном шестом этаже альма-матер занимаются серьезными исследованиями. Проникнув в закрытую секцию библиотеки, Наина даже не подозревала, во что ввязывается, с какими незаурядными людьми ей предстоит столкнуться и какую череду странных, а подчас и опасных событий вызовет ее опрометчивый поступок. Вот уж верно говорят: бойтесь своих желаний – они могут исполниться! Разгадывать некоторые загадки – опасно для жизни. А иные тайны могут открыть охоту на вас... Но разве не этого желала Наина, скучая на лекциях?

© Измайлова К. А., 2008

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 2008

Содержание

Часть 1	5
АВАНТЮРА	5
ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...	14
БОЙ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кира Измайлова

Городская магия

Часть 1

Зачет по высшей магии

АВАНТЮРА

Очередной учебный год начался на удивление спокойно. Деканат не устраивал нашей группе разносы за плохую посещаемость, никого не ловили с сигаретой в коридоре, а преподаватели были сама любезность. Словом, скука стояла невероятная.

Честно говоря, только перейдя на четвертый курс, я всерьёз задумалась о том, кем же я стану по окончании университета. Надо отметить, что я отличница, и преподаватели неоднократно говорили мне, что я точно получу красный диплом. Всё это, конечно, замечательно, но... Что я буду делать, когда учеба закончится, а мне вручат вожеленную книжечку, и даже не важно, какого цвета, красного или синего? Выбор был не так уж велик – или предаваться исследовательской работе в какой-нибудь конторе, что само по себе довольно скучно, или остаться в университете и преподавать. Все места, где можно заниматься практической деятельностью, я знала, давным-давно поделены, и освобождаются очень редко. Для того, чтобы устроиться туда хотя бы стажером, да что там, обычным лаборантом, нужны связи и знакомства. Что поделывать, специфика такая...

Я учусь в ГМУ – Государственном Магическом Университете. Звучит довольно глупо, но раньше, например, наша альма-матер именовалась Государственным Университетом Магии, и нас постоянно путали с тем ГУМом, который магазин. Я поступила сюда, купившись на романтику названия (к слову, это удалось мне без труда – а кое-какие способности для поступления всё же требовались), но я быстро разочаровалась в выбранной профессии. Первые два года нам читали только общеобразовательные предметы, как в любом другом университете: историю, математику, иностранный, философию, культурологию, логику, риторику... Наверно, все это могло пригодиться в будущем, но, скажу я вам, переварить Сократа на первом курсе и Кьеркегора на втором сможет далеко не каждый студент... Я не смогла и пересдавала философию дважды, благо, оценка в диплом не шла.

На третьем курсе началась специализация – всего два предмета: история магии и теория заклинаний. На четвертом добавились практические занятия, однако ничему действительно серьёзному нас не учили. Так, ерунда: как создать иллюзию, как быстро освоиться с любым механизмом, как ускорить рост подопытного кактуса... Невероятная чушь, к тому же совершенно бесполезная в повседневной жизни, если, конечно, вы не занимаетесь кактусоводством.

Тогда-то я и затосковала. Неужели это всё, чему нас будут учить? Ни тебе прохождения сквозь стены, ни боевых заклинаний, ни хоть сколько-нибудь серьёзного врачевания... С тем же успехом я могла учиться в любом другом университете!

Я подумывала порой: может, пока не поздно, перевестись на факультет прикладной магии? Там обучались студенты с ярко выраженными способностями к созданию иллюзий, а выпускники этого факультета часто находили работу в киноиндустрии – создавали спецэффекты для съемок, и даже компьютерная графика не могла с ними тягаться!

Сложно объяснить, как это работает на практике, для этого пришлось бы пересказать несколько увесистых томов, посвященных теории и практике создания иллюзий и их приме-

нению в повседневной жизни. Подозреваю, господа продюсеры, режиссеры и вся та братия, что занимается съемкой фильмов, о теоретической стороне вопроса и вовсе не задумывались. Им хватало и того, что иллюзии выглядели правдоподобнее компьютерных моделей, стоили дешевле и не налагали почти никаких ограничений на фантазию сценариста. Ну а каким образом все это запечатлевается на камеру... Я, честно говоря, сама не слишком хорошо это понимала, довольствуясь простой аналогией: мираж ведь тоже можно заснять, чем же иллюзия хуже миража?

Впрочем, в киноиндустрии конкуренция тоже была весьма жесткой, и многие выпускники этого факультета устраивались, так сказать, массовиками-затейниками. Кому не хочется, чтобы с днем рождения его поздравила знаменитая топ-модель или огнедышащий дракон? Или, скажем, разве не здорово придать скучному залу, снятому для корпоративной вечеринки, вид старинного замка или тихоокеанского пляжа с полным эффектом присутствия? В любом случае, зарабатывали ребята неплохо, а это тоже, согласитесь, не последнее дело...

Однако на факультет прикладной магии меня не взяли, мотивируя отказ тем, что группы полностью укомплектованы. К тому же способности у меня были не так чтобы выдающимися, не с такими соваться на престижную специальность! Это было правдой, поэтому я даже не слишком сильно расстроилась: иллюзионист из меня и в самом деле паршивый. К тому же, магам-иллюзионистам нужно еще и богатое образное воображение, а у меня с этим проблемы, облекать свои мысли в образы я умею плохо.

На факультете медицинской магии свободных мест тоже не было, а студенты подвергались еще более строгому отбору, чем маги-прикладники. С простым желанием вроде «хочу научиться лечить людей» нечего было и думать попасть туда. В основном на этом факультете учились люди, уже закончившие мединститут или хотя бы медицинское училище, то есть хорошо знакомые с теми проблемами, с которыми им надлежало бороться.

Было еще одно направление, в обиходе именуемое «сельхозмагией», но туда мне вовсе не хотелось: там занимались ветеринарией и проблемами магического вспомоществования выращиванию различных сельхозкультур в суровых климатических условиях. С животными я не очень хорошо ладила, опять же, и ветеринарное училище я не заканчивала. А отправляться после окончания университета куда-нибудь на Дальний Восток и пытаться выращивать там апельсиновые рощи – вот уж увольте!

На мой пристрастный взгляд, только эти факультеты и занимались стоящим делом, переводиться же на другие было все равно что шило на мыло менять. Ну не на исторический же идти, чтобы потом всю жизнь изучать влияние магии на развитие мировой цивилизации и домысливать, что было бы, если бы ее, магии, то есть, и вовсе в природе не существовало. Очень интересное занятие, ничего не скажешь! Были еще, конечно, «связисты», «химики», «физики», «промышленники» и прочая научно-техническая братия, но к таким занятиям у меня никогда душа не лежала.

Судя по всему, проблема была не в том, что преподаваемые на моем факультете общей магии науки были плохи сами по себе, а, скорее, во мне самой. Никак я не могла выбрать то, что пришлось бы мне по душе, чем бы я на самом деле хотела заниматься. И виной тому была вовсе не лень, как обычно утверждали мои родители, тому, что мне было интересно, я училась легко и с удовольствием. Впрочем, тому, что мне было не очень интересно, я тоже училась, хоть и через силу, и вполне прилично сдавала экзамены, зато и забывала вы зубренное через неделю. Должно быть, я просто неудачно выбрала университет, решила я в конце концов. Что ж, доучусь здесь хотя бы этот курс, а там, глядишь, и соображу, куда податься. Вполне может быть, что из меня выйдет неплохой бухгалтер или экономист, как из моей матери, а обучиться этому ремеслу никогда не поздно.

Итак, на некоторое время я успокоилась, смирившись с судьбой, но интерес к учебе потеряла почти совершенно.

В один прекрасный день мне достался доклад по истории магии. Делать доклады я всегда терпеть не могла: не люблю торчать посреди аудитории и под одобрительные кивки преподавателя пересказывать заранее подготовленный текст, в то время, как однокурсники развлекаются по мере возможностей: кто на мобильном телефоне в игры играет, кто в морской бой режется, кто книжку читает. Впрочем, опять-таки, будь предмет интересным, было бы не так скучно. Но, увы, с преподавателями нам отчаянно не везло, даже более-менее занимательную историю магии читали нашему потоку так, что впору было в летаргический сон на лекции впасть.

Тем не менее, сдавать экзамен мне не хотелось совершенно, а поскольку за энное количество подготовленных докладов полагалась постановка оценки «автоматом», то на оные доклады я хоть и не напрашивалась сама, но и отделаться от них не пыталась. В результате мне пришлось идти в библиотеку и торчать там в читальном зале. Тема мне попала довольно-таки обширная, так что на подготовку я убила не один день. Книжки, как назло, были толстенными, пыльными и чудовищно скучными. С трудом продираясь сквозь хитросплетения пустых слов в поисках полезной информации, я то и дело бегала пить кофе, чтобы не заснуть.

Одна из сотрудниц библиотеки, молоденькая Леночка, тоже не горела желанием сидеть на месте и тоже часто наведывалась в буфет. Там мы познакомились и почти подружились.

Леночка Сливина когда-то тоже пыталась учиться в нашем ГМУ, все на том же факультете общей магии, но не потянула – её вышибли со второго курса. По моему личному мнению, для этого было нужно либо сильно постараться, либо совсем уж ничего не делать. Но Леночка не походила на хулиганку, к тому же казалась прилежной и старательной девушкой. Впрочем, пообщавшись с ней пару дней, я поняла, что Леночка просто глупа до невероятия. Бывают такие люди, в общем-то, приятные и добрые, но совершенно не приспособленные к учебе. В школе они частенько «едут» на тройках только потому, что учителям жаль ставить «пары» славным ребятам, которые никогда не отлынивают от дежурства по классу или, скажем, от подготовки стенгазеты. Но вот в высшие учебные заведения такие люди могут попасть разве что чудом. Впрочем, частенько чудо носит наименование богатых родителей, тогда эти ребята оказываются на платном отделении и еще пять лет предаются блаженному безделью, после чего все те же родители пристраивают обремененное дипломом чадушко на какую-нибудь непыльную работенку.

У Леночки, тем не менее, богатых родителей не было, имелась только пожилая и не очень здоровая мама, работавшая терапевтом в районной поликлинике, а какие у терапевтов зарплаты, говорить не надо, даже на взятку за поступление не наскрести. Поэтому для меня так и осталось тайной, как Леночка умудрилась поступить в университет. Впрочем, возможно, её пристроил тот же доброжелатель, что дал ей место в библиотеке после того, как Леночку все-таки исключили.

Так вот, несмотря на глупость и полную неспособность к учебе, Леночка была очаровательным созданием. Она могла часами болтать о какой-нибудь ерунде и, полагаю, в компаниях её любили. Думаю, и неизвестный покровитель выбрал Леночку не только за внешнюю привлекательность, доброту и отзывчивость, но и за то, что она очень хорошо чувствовала, когда можно поболтать вволю, а когда лучше не напрягать собеседника и благоразумно помолчать. Надо полагать, это своеобразное чутье очень помогало Леночке в жизни.

Вот и сегодня она подошла ко мне, когда я клевала носом в читальном зале (кроме меня, там вообще никого не было!), и спросила:

– Тебе долго ещё?

Я молча кивнула на стопку толстых книг.

– Ну вот... – огорчилась Леночка. – Я думала, ты мне поможешь...

– А что надо? – спросила я, решив, что снова «повис» компьютер с электронным каталогом. Справляться с такой бедой самостоятельно Леночка не умела, страдая, как метко выразился какой-то аспирант, полным техническим кретинизмом. Леночка даже по Интернету без

посторонней помощи лазить не умела, и то, что она смогла освоить работу с электронным каталогом, было большим достижением.

– Да вон, книжки по местам расставить, – ответила Леночка. – Вобла умотала внучка из школы забирать, а мне велела закончить с этим делом. А то ведь придет завтра с утра и примотается...

Воблой Леночка называла свою начальницу, Эмму Германовну Штольц, и, надо отметить, прозвище было довольно метким – в профиль Эмма Германовна удивительно напоминала сей морепродукт. Вобла была добрейшей души человеком, и Леночку обожала, однако без взаимности. Дело в том, что Вобла обожала читать мораль и поучать всех и каждого. Каждый день она талдычила Леночке, что пора взяться за ум и попытаться освоить какую-нибудь профессию, хотя бы того же библиотекаря. Само собой, она надоела бедняге хуже горькой редьки, но сказать ей об этом прямо Леночка не могла в силу врожденной интеллигентности...

– Ладно, давай, помогу... – вздохнула я и потянулась. – Хоть разомнусь.

Вдвоем мы быстренько расставили книги на стеллажах и собрались пить кофе. Я, надо сказать, впервые была внутри библиотеки, в смысле, не в читальном зале или на выдаче, а в самом книгохранилище. Надо же, и не знала, что оно такое огромное! Жаль только, большая часть книг – просто макулатура.

– А там что? – кивнула я на металлическую дверь в конце узкого помещения. – Особо ценные экземпляры?

Леночка вдруг посерьёзнула и, понизив голос, сказала:

– Вроде того. Туда только народ с шестого этажа навевывается, больше никто...

Шестой этаж нашего университета был окутан тайной. Вроде бы там располагались кафедры, залы заседаний, кабинеты ректора и его замов, но... Как-то я от нечего делать обошла весь университет и почитала таблички на дверях. *Все* кафедры располагались внизу, кабинет ректора и его заместителей тоже. На долю шестого этажа не оставалось ровным счетом ничего. Ходили слухи, что на шестом этаже проводят какие-то эксперименты, что там расположены секретные лаборатории, что там располагается кафедра боевой магии, хотя руководство университета всегда заявляло, что боевой магией ГМУ не занимается, на то есть особые службы при правительстве страны. Словом, народ болтал всякую чушь. Какие могут быть секретные лаборатории, если там даже никакой охраны нет! Лично я некоторое время считала байки о шестом этаже обычным студенческим фольклором, из одной серии с историями о «красной руке и черной простыне», и только удивлялась, насколько легко окружающие в эти сказки верят. Ведь на шестой этаж можно было свободно подняться! Вот только никто этого почему-то не делал, даже самые отчаянные ребята.

Но теперь я готова была изменить свое мнение. Похоже, слухи рождаются не на пустом месте, а на шестом этаже и впрямь занимаются серьезными делами, раз уж их книжный фонд хранится за стальной дверью!

– Там даже окон нет, – добавила Леночка страшным шепотом. – А ещё мне сказали, что если я ключ потеряю, меня под суд отдадут, поэтому ключ я в сейфе держу!

Как это нет окон? Если смотреть снаружи, то глухой стены на втором этаже, где расположена библиотека, нет! Значит... значит, это иллюзия, и, надо отметить, мастерская: то на оконном стекле появится трещина, то форточка окажется открытой, то шторы поменяются. Вот это да! Выходит, там может храниться что-то действительно важное!

Я поняла, что больше всего на свете хочу попасть именно в закрытую часть хранилища. И это не так уж сложно проверить... Спрашивается, зачем мне это понадобилось? Жажда знаний одолела или еще что? Тогда я над этим вопросом не задумывалась, а теперь даже не знаю, что сказать. Случается со мной иногда такое: взбредет что-то в голову, совсем как в тот раз, когда я со скандалом отказалась поступать в экономический и подалась в ГМУ, и ведь я непременно этого добьюсь. Правда, желанная цель частенько при ближайшем рассмотрении

оказывается совершенно не стоящей таких стараний, но это уж другой вопрос. Это – вечная моя беда. Если бы я давала себе труд задуматься, зачем мне то, что так жажду заполучить, наверно, я бы избежала многих проблем. Но чего не умею – того не умею...

Итак, первым делом я во всеуслышание заявила, что завтра на занятия не приду. Поскольку я в последнее время частенько прогуливала лекции, это никого не удивило, только староста группы стенал, что опять на семинаре по эзотерической литературе окажется всего пять человек, а это уже ни в какие ворота не лезет, при численности группы в восемнадцать студентов! Впрочем, старосту быстро успокоили, предложив ему не командовать, а самому сходить на этот семинар, чем вопрос и был исчерпан.

Домашних я заранее предупредила, что заночую у подружки, что тоже не вызвало никаких подозрений, я частенько забредала к школьной еще подружке, девушке серьезной и целеустремленной, в отличие от меня. Родители считали, что она положительно на меня влияет, поэтому не препятствовали нашему общению. Катерина тоже не теряла надежды наставить меня на путь истинный, поэтому охотно давала приют (благо жила она одна в двухкомнатной квартире, ее родители могли это ей позволить), когда мне окончательно надоело выслушивать родительские нотации. Ну а самой Катерине я наплела что-то про день рождения однокурсника, празднуемый ночью в общаге, на который родители меня ни в жизнь не отпускают. Катерина понятливо вздохнула и обещала обеспечить прикрытие. Таким образом, я получила свободу на следующую ночь.

Следующим шагом была несложная операция, в результате которой в Леночкиной чашке с кофе оказалось некое совершенно безобидное снадобье. Кофе Леночка распивала постоянно и охотно угощала всех, кто забредал в библиотеку, меня, например, чем я и воспользовалась. Спустя полчаса Леночка почувствовала настоятельную потребность посетить дамскую комнату, а ещё через час поняла, что лучше бы ей отправиться домой, чтобы не носиться туда-сюда по коридору.

– Иди-ка домой, – посоветовала я ей. – Ты, наверно, что-нибудь не то съела. Опять салат в нашей столовке покупала?

– Ага... – со страдальческим видом ответила Леночка. – Ладно, пойду... Только Воблу предупрежу...

– Иди уж, – вздохнула я. – Я ей сама скажу, пусть она тебе на завтра отгул выпишет.

– Да я сама... – пробовала сопротивляться Леночка, но я была непреклонна.

– Ты что, хочешь, чтобы Эмма тебе полтора часа втолковывала, почему не стоит есть салат в нашей столовой? – поинтересовалась я. Леночка замотала головой, на лице её отразился неподдельный ужас. – Ну и иди себе. Я к Эмме зайду...

Разумеется, к Эмме Германовне я пойти и не подумала.

План мой строился на очень простом расчете: Эмма Германовна была полнейшим профаном в области магии, хоть и работала в ГМУ. Во всяком случае, она была не способна распознать иллюзию: в этом я убедилась, когда мне срочно потребовался учебник, а книг мне больше не выдавали – я и так набрала под завязку. Тогда я взяла читательский билет у однокурсницы, «надела» её облик и преспокойно получила требуемое. Эмма Германовна ничего не заподозрила, хотя знала всех студентов в лицо – память у неё была феноменальная.

Рано утром я в облике Леночки явилась на рабочее место. Первым делом я выслушала выговор за то, что вчера так безответственно покинула рабочее место, не дожидаясь окончания рабочего дня. Пришлось просить прощения и выслушивать длинную нотацию, после чего я с большим пониманием стала относиться к Леночкиной нелюбви к доброй, в общем-то, но чудовищно занудной пожилой женщине. Счастье еще, что я была закалена родительскими нравов-учениями, а потому умела отключаться от произносимых речей, сохраняя на лице виноватое выражение и кивая в нужных местах. Впрочем, в конце концов, Эмма Германовна выговори-лась и оставила меня в покое.

Я сидела на выдаче. Дело это было несложное, Леночка неоднократно рассказывала мне, по какой системе расставлены книги и как можно быстро отыскать нужную. Разумеется, я не забывала периодически отпрашиваться в буфет за булочками и то и дело наливать себе кофе. К обеду я налилась этим кофе чуть не по уши и задумалась над тем, как можно ежедневно пить такую гадость в больших количествах. Наверно, у Леночки организм как-то иначе устроен, меня от растворимого кофе уже тошнило.

После обеденного перерыва наступило затишье. Первая смена уже отучилась, а сидеть в библиотеке после занятий никто не жаждал.

– Леночка, – снова завела Эмма Германовна. После дня, проведенного в её обществе, я стала еще лучше понимать Леночку. Последней следовало выписывать молоко за вредность. – Ну почему ты не хочешь учиться? Вот сидишь, читаешь какой-то глупый журнал...

Я и впрямь сосредоточенно изучала «Космополитен», от которого меня тошнило почище, чем от кофе. Но нужно же было поддерживать образ!

– Вот, полистай... – Эмма Германовна подсунула мне пухлый том. – Очень интересно!

Я вздохнула и покорно раскрыла книгу. Хм... «Травник»? Надо же, какое старое издание! В каталоге я такого не видела.

– Сегодня с шестого этажа принесли, а я не успела в хранилище отнести, – подтвердила мои подозрения Эмма Германовна. – Посмотришь – отнесешь, хорошо?

– Конечно, Эмма Германовна, – уныло ответила я. – Только...

– Опять код от сейфа забыла? – всплеснула она руками. – Леночка, ну нельзя же так!

Я покаянно вдохнула и сделала несчастное лицо.

– Вот, пишу тебе код на бумажке, – сказала Эмма Германовна. – Смотри, не потеряй!

Я поблагодарила и уткнулась в книгу. Это действительно был травник, но какой! Никаких нудных поучений и лирических отступлений, всё четко и ясно, растения нарисованы безо всяких стилизаций, вполне узнаваемо, даны подробные инструкции по применению тех или иных трав, дозировка... Я задумалась: а наша преподавательница народной медицины хоть когда-нибудь держала эту книгу в руках? Судя по той ахинее, что она обычно несет – вряд ли.

Я воровато оглянулась, не обнаружила поблизости Эммы Германовны, вынула из сумки маленький цифровой фотоаппаратик, родительский подарок на день рождения, и пересняла несколько особенно интересных страниц. Потом подумала и пересняла еще пару десятков. Неизвестно еще, удастся ли мне проникнуть в хранилище, а травник – вещь полезная даже в повседневной жизни.

К вечеру я засобиралась домой, как обычно делала Леночка, примерно за час до окончания рабочего дня. Эмма Германовна милостиво меня отпустила, обрадованная моим неожиданным интересом к народной медицине, и даже не вспомнила о том, что велела мне вернуть травник в хранилище. Разумеется, я никуда не ушла, а постаралась слиться со стеной в коридоре. Через полчаса мимо меня промаршировала Эмма Германовна, окинула меня взглядом, пробормотала что-то вроде «давно пора стены красить», заперла двери и ушла.

Я осталась в библиотеке одна. Было темно и довольно жутко.

Я достала из сумки фонарик – зажигать верхний свет я опасалась, чтобы не привлечь внимания (мало ли, кто бродит вечерами по университету, вдруг сторож увидит) – отыскала сейф, набрала любезно предоставленный мне Воблой код и извлекла ключ. Вернее, целую связку ключей, в том числе электронный – для отключения сигнализации.

Открывая дверь в хранилище, я чувствовала себя, как одна из жен Синей Бороды. Я, в общем-то, далеко не трусиха, но на этот раз глубоко внутри что-то вроде бы дрожало, а еще ощущалась противная слабость в ногах. Хотя, возможно, это были последствия чрезмерного употребления кофе в течение дня.

А в целом хранилище оказалось не таким уж особенным. Большое помещение было тесно заставлено стеллажами, забитыми книгами, проходы узкие, вдвоем там, пожалуй, и не разми-

нуться. Побродив между стеллажами, я нашла ещё несколько старинных травников. Потом забрела в отдел... боевой магии! Во всяком случае, так значилось на табличке. Ничего себе, вот вам и заверения руководства о том, что ГМУ к боевой магии никакого отношения не имеет! Я сняла с полки один фолиант, другой, пролистала... но не поняла ни слова. Ладно бы там была написана какая-то абракадабра, заклинания все так звучат, но в этих книгах я не узнавала ни одной буквы!

подавив горькое разочарование, я окинула взглядом хранилище и взяла в руки красивый том под названием «Флора и фауна Северных гор: мифы и реальность». Где располагались эти Северные горы, я не знала, но книга оказалась невероятно увлекательной. Я потратила на неё последние кадры – карта памяти фотоаппарата уже была переполнена, – и вышла из хранилища. Заперев дверь, я включила сигнализацию, убрала ключи в сейф и стала устраиваться на ночлег.

Спать на столе не очень удобно, опять же кофе, будь он неладен, меня здорово взбудоражил, поэтому я предалась размышлениям. Что ж, теперь я, по крайней мере, знаю, что не все в этих стенах маются дурью. На шестом этаже определенно занимаются чем-то серьёзным, но вот кто и чем именно? И как бы это выяснить? Я долго еще разрабатывала фантастические планы проникновения на шестой этаж, и в конце концов все-таки уснула...

Эмма Германовна пришла, как всегда, очень рано. Мне очень удачно удалось выскользнуть из библиотеки, даже не прибегая к иллюзии. Надеюсь, Леночка не слишком удивится, когда Эмма Германовна начнет хвалить её за проявленное вчера рвение и страсть к учебе. Решит ведь, что старушка подвинулась рассудком, но вслух не скажет, потому что постесняется. Разве только приятелям-студентам растреплет. А это нехорошо... Мало ли, кто до чего додумается! Жаль, я не озаботилась этим вопросом раньше. Всегда вот я так, сперва сделаю, потом думаю. Хотя оно того стоило...

Так или иначе, пару дней я не навевывалась в библиотеку. Просто на всякий случай. А на третий день во время одного из семинаров в аудитории заглянула лаборантка Маша из учебной части и сказала:

– Чернова! Немедленно к ректору!

Я почувствовала, как сердце у меня ушло в пятки. Неужто прознали про мои подвиги? Но что я такого ужасного натворила, чтобы сразу – к ректору?! Почему не к завкафедрой, не к начальнику учебной части?

Ребята устали на меня с нехорошим любопытством. На подгибающихся ногах я вышла за дверь и спросила Машу:

– В какой кабинет-то?

– В 696-й, – ответила Маша, глядя на меня с некоторой опаской. – На шестом этаже...

– Я уж догадалась, – фыркнула я и пошла к лестнице.

Мыслей в голове не было никаких. Впрочем, присутствовала стойкая убежденность: самое страшное, что могут со мной сделать – так это отчислить. Тут только мне в голову пришла мысль: если книгохранилище на сигнализации, так там ведь и система видеонаблюдения могла стоять, а я об этом даже не подумала! А что меня несколько дней искали – так поди, сличи мою обыкновенную физиономию с фотографиями всех студентов университета... Хотя, возможно, поиски проводились более прогрессивными методами. Если правда то, что говорят о магах-сыскарях, и если хоть один такой у нас в ГМУ есть, мой след ему было взять как раз плюнуть. «Да уж, Чернова, тайный агент из тебя никакой!» – подумала я почему-то весело. Интересно, что мне могут пришить? Проникновение в помещение? Ну, это конечно, само собой. Хорошо, я ничего оттуда не вынесла. Только вот пересняла несколько страниц, а если это секретные сведения, то за такие дела меня тоже по головке не погладят...

Я поднялась на шестой этаж и пошла по коридору, посматривая на номера кабинетов. Значит, 696... Хорошо, не 666... Стоп! В голову мне вдруг пришла ошеломительная мысль:

какой ещё 696-й кабинет?! На пятом этаже последний кабинет имеет номер 518! Коридор заканчивается тупиком, в котором есть окно, а через это окно прекрасно видно захламленный двор...

Я почувствовала невольную дрожь в ногах, на этот раз определенно не от кофе. Вообще-то, на шестом этаже было жутковато. Лампы горели тускло, тёмно-красная ковровая дорожка гасила звук шагов, и в коридоре стояла неестественная тишина. «Хватит выдумывать,» – велела я себе и, наконец, увидела дверь искомого кабинета.

Я поглядела направо – коридор уходил в бесконечность, определенно не желая считаться с законами архитектуры и конфигурацией скучного здания ГМУ. Я поёжилась и осторожно постучала в дверь.

– Входите, – раздалось в ответ.

Я потянула на себя тяжелую дверь и осторожно переступила порог.

В кабинете было очень темно, тяжелые шторы не пропускали дневной свет, только на огромном письменном столе тускло горела небольшая настольная лампа. Сидящего за столом видно не было, но в круге света, отбрасываемом лампой, были отлично различимы его руки, сцепленные на стопке бумаг.

– Чернова? – осведомился сидящий за столом. Я вдруг сообразила, что он никак не может быть нашим ректором, которого я неоднократно видела – тот довольно пожилой тучный дядька, да и голос у него совсем другой. А кто это тогда? Во что я вляпалась?!

– Да, – выдавила я.

– Думаю, вы догадываетесь, зачем я вас сюда вызвал, – сказал мужчина.

Я промолчала, глядя на его руки. На безымянном пальце левой руки было надето кольцо с довольно крупным матово-черным овальным камнем. Камень пересекала вертикальная золотистая полоска, из-за чего он был неприятно похож на чей-то глаз с кошачьим зрачком. Мужчина расцепил руки – камень словно подмигнул мне – и побарабанил пальцами по столу.

– За допущенную халатность небезызвестные вам Сливина и Штольц будут уволены, – сообщил он. – Несмотря даже на то, что первая пользуется покровительством не последних лиц в этом университете.

«Уж не твоим ли?» – подумала я, но вслух ничего не сказала.

– Вы не будете просить за них или брать их вину на себя? – поинтересовался он.

– А это что-то изменит? – хмуро поинтересовалась я.

– Нет, – ответил мужчина. – Приказ об увольнении уже подписан. А вы будете отчислены за поведение, порочащее звание студентки ГМУ.

«Ну и черт с тобой, – подумала я. – Пойду в экономический.»

– Впрочем... – Мужчина поднялся, слегка опираясь кончиками пальцев о столешницу. – Вы могли бы остаться в университете, но с потерей курса.

«Ещё раз выслушивать всю ту дребедень, которой нас пичкали в прошлом году?» – ужаснулась я.

– Вам также придется сменить специальность, – добавил мужчина.

– На какую? – удивилась я.

– Узнаете позже, – ответил он. – Разумеется, в том случае, если вы согласны. Если же нет – дверь у вас за спиной. Документы заберете в учебной части.

– Я... я согласна, – выдавила я, на мгновение представив, какой скандал мне закатят дома, узнав, что я вылетела из университета. Добро бы сама ушла! Хотя, если представить это так, будто я прониклась родительской мудростью и все-таки решила сменить вуз... Нет, не прокатит, предки у меня не дураки.

– Хорошо. – Мужчина снова сел за стол и пододвинул к себе какой-то бланк. Взял было ручку, но тут же отложил. – Сперва вам придется ответить на несколько вопросов.

Я кивнула. Спорить с этим типом мне вовсе не хотелось. Было у него что-то такое в голосе, что заставляло слушаться беспрекословно.

– Зачем вам понадобилось проникать ночью в книгохранилище? – спросил он.

– Ну... – Я не знала с чего начать, а пристальный взгляд из темноты и вовсе сбивал меня с толку. – Я думала...

– Этот процесс ещё доступен нынешним студентам? – удивился мужчина.

Я вдохнула поглубже и выпалила:

– Я хотела узнать что-нибудь действительно стоящее, а не ту муру, которой нам забивают мозги!

– У вас ещё будет такая возможность, – сказал мужчина и написал что-то на бланке. Протянул мне бумажку и добавил: – Явитесь завтра с этим к восьми утра в 618-ю аудиторию. Если опоздаете, можете считать себя отчисленной.

Прижимая к груди листок, я выскочила в коридор. После темноты кабинета тусклый свет ламп показался мне ослепительным. Я взглянула на бумагу. На ней было написано всего лишь несколько слов стремительным почерком. Надо ли говорить, что в написанном я не поняла ни слова?

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...

На следующий день я примчалась в университет без четверти восемь. Каких усилий мне стоило проснуться в шесть утра, трудно даже представить!

Вихрем взлетев на шестой этаж, я проскакала по коридору... и уперлась в тупик. Очень интересно! Как и на пятом этаже, коридор заканчивался после 618-й аудитории, а через окно в тупичке был виден двор. Интересно, коридор только по ночам удлиняется до невозможности, что ли? Или этот тупик – иллюзия? Или сам коридор – иллюзия? Гадать можно было до бесконечности, чем я и скрашивала время ожидания: аудитория была еще заперта, так что мне пришлось некоторое время помаяться под дверью.

Постепенно подтянулось ещё несколько человек – три парня и две девчонки. Никто из них не сделал попытки заговорить со мной или друг с другом, а взгляды, которыми они обменивались, трудно было назвать дружелюбными.

В конце концов появилась техничка в синем халате и отперла дверь. Мы зашли в аудиторию.

На первый взгляд – ничего особенного. Только зачем-то решетки на окнах, наверно, чтоб никто не выпал ненароком. Или не сиганул с перепугу.

Я заняла своё любимое место – первую парту в крайнем правом ряду, у стены. Как ни странно, именно это место преподаватели обычно обходят своим вниманием, пристально следя за задними рядами.

Одна из девушек села за вторую парту в среднем ряду, вторая, подумав, уселась прямо за ней. Парни заняли ряд у окна, и тоже сели поодиночке. Получился этакий треугольник.

Где-то далеко прозвенел звонок. Я глянула на часы – ровно восемь. В ту же секунду дверь распахнулась, и в аудиторию вошел незнакомый мужчина лет тридцати на вид. Ничего примечательного в нем не было – довольно простое лицо, тускло-зеленые глаза и аккуратно подстриженные русые волосы. В толпе таких лиц тринадцать на дюжину.

Мужчина остановился перед нами, окинул взглядом аудиторию и положил на стол какую-то папку.

– Все на месте, – сказал он утвердительно, и перстень на безымянном пальце его левой руки подмигнул золотой искоркой.

Но даже раньше, чем перстень, я узнала голос – это был тот страшноватый тип, с которым я вчера имела малоприятную беседу! Если он будет нам преподавать, то, может быть, мне лучше сразу уйти, пока не поздно?

– Позвольте представиться, – сказал он. – Игорь Георгиевич Давлетьяров. Куратор вашей группы.

Однако и заковыристое же у него имечко! Язык сломать можно... Кстати сказать, голос у него был куда интереснее внешности, уж во всяком случае, выразительнее.

– Ваш преподаватель немного задерживается, – продолжал Давлетьяров. – Поэтому у нас есть время для решения некоторых организационных вопросов. Для начала я проведу переключку...

Он вынул из папки список группы и назвал первое имя:

– Балашова Маргарита.

– Это я, – сказала высокая брюнетка, та, что заняла вторую парту в среднем ряду. Выглядела она первостатейной стервой, а уж одета была как супермодель. Хотя нынче этим никого не удивишь, по университету передвигаются до того экзотически одетые личности, что иногда даже заснять их хочется на память. Ясно было одно – с этой красавицей мы не подружимся. Я отчего-то, хотя и не обладаю выдающимися внешними данными и на фоне таких вот красоток

выгляжу серой мышью, все равно вызываю у них безотчетное раздражение. Видимо, исключительно в силу мерзости характера.

– Вас не учили вставать, когда преподаватель называет ваше имя? – вкрадчиво поинтересовался Давлетьяров.

Маргарита слегка зарумянилась и поднялась из-за стола.

– Садитесь, – сказал ей Давлетьяров минуты через две, когда девушка успела известись под его пристальным взглядом. – Горенко Светлана.

– Я! – вскочила вторая девушка, симпатичная кудрявая блондинка. Про эту я ничего пока сказать не могла. Может, окажется ничего себе человеком, а может, и нет.

– Садитесь. Евдокимов Александр.

– Я. – Евдокимов оказался тощим шатеном с крайне унылым выражением лица.

– Ковалев Алексей.

– Я. – Ковалев тоже был шатеном, только невысоким, с лицом ехидного вундеркинда.

– Федоренко Сергей.

– Я! – Этот был брюнетом, и довольно симпатичным. Светлана тут же начала строить ему глазки, а я сделала для себя вывод, что с мужской частью группы нам не повезло. То есть мне не повезло, Маргарита-то их быстро выстроит по ранжиру. Ну да и Бог с ними...

– Чернова Наина.

– Я, – сказала я, выбираясь из-за стола. На мне скрестились шесть пар взглядов, пять из них – любопытные, а один – равнодушный.

– Итак, все на месте, – повторил Давлетьяров. – Следующий момент. Положите руки на стол.

В некотором недоумении все положили ладони на парты. Светлана определенно смущалась, и было от чего – оказалось, что у этой симпатяшки ногти сгрызены под корень. Впрочем, Давлетьярова этот факт не заинтересовал. По мне он тоже едва скользнул взглядом. Ну, мне-то своих рук стыдиться нечего. Ногти у меня недлинные (а длинные и не отрастают, ломаются), безо всякого там новомодного лака. Просто лак на второй день облезает, а мне лень возиться и наносить его заново.

А вот у стола Маргариты Давлетьяров задержался. Та выложила руки на стол с невероятно самодовольным видом. Ещё бы! Таких длиннющих ногтей – причем не наращенных, а явно своих, – я в жизни не видывала! Похоже, Маргарите никогда в жизни не приходилось мыть посуду... Однако Давлетьяров сию красоту не оценил. Окинув взглядом этот шедевр маникюрного искусства, он холодно сказал:

– Чтобы завтра я этих когтей не видел.

– Но почему?! – возмутилась Маргарита.

Давлетьяров цепко взял её за запястье и очень задушевно произнес, как-то неожиданно перейдя на «ты»:

– Потому, что если ты неудачно сбросишь боевое заклинание с таких вот пальцев, то в лучшем случае останешься без руки. Я доступно объяснил?

Маргарита подобострастно кивнула и вроде бы сделалась меньше ростом. Я же, наоборот, сперва обрадовалась, а потом призадумалась. Боевое заклинание! Значит, я всё же не ошиблась, и здесь нам придется заняться чем-то более серьезным, чем прежде. Еще бы знать, чем это может быть чревато...

– Теперь передайте сюда ваши студенческие билеты, – велел Давлетьяров, усаживаясь за стол. Получив требуемое, он что-то пометил в билетах красной ручкой. – Теперь вы будете приходить в университет не через главный вход, а с другой стороны здания. Там есть стальная дверь, воспользуетесь студенческим билетом, как магнитной карточкой на метро.

– А если я его потеряю? – осведомился Ковалев, тот, что походил на вундеркинда.

– Будешь отчислен, – в тон ему ответил Давлетьяров. Судя по всему, после переключки, то есть ритуала знакомства, он не считал больше необходимым разводить реверансы. Лично меня это устраивало, я почему-то страшно неуютно себя чувствую, когда преподаватели обращаются ко мне на «вы» и по имени-отчеству. Отчего-то мне это кажется изощренным издевательством, хотя чаще всего такое обращение в самом деле всего лишь проявление вежливости.

– Доброе утро, – произнес женский голос, и в аудиторию вошла пожилая дама. Под ледяным многообещающим взглядом Давлетьярова мы невольно вскочили, чтобы поприветствовать её вставанием.

– Прошу прощения за опоздание, – произнесла дама, обменявшись с Давлетьяровым приветственными кивками. – Меня зовут Лариса Романовна, я буду читать вам базовый курс практической магии.

– Я вас оставляю, – произнес Давлетьяров.

– Всего хорошего, – царственно наклонила Лариса Романовна седую голову.

Когда Давлетьяров скрылся за дверью, одарив нас на прощание взглядом снулой рыбы, она развернулась к аудитории.

– Итак, – сказала она, – пожалуй, приступим. Не будем тратить время на реверансы, займемся сразу делом. Полагаю, раз уж Игорь Георгиевич счел возможным перевести вас на этот факультет, вы обладаете необходимыми способностями для того, чем мы сейчас займемся. Начнем, пожалуй, с простейшего заклинания материализации. Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить...

Заклинание материализации звучало полнейшей бессмыслицей. Только со второго раза мне удалось различить отдельные слова, а там и запомнить всю формулу.

– Теперь смотрите внимательно на мои руки, – велела Лариса Романовна, убедившись, что мы запомнили формулу. – Заклинанию материализации должны сопутствовать определенные жесты. Во всяком случае, до тех пор, пока вы не овладеете им в совершенстве...

С жестами было сложнее. Евдокимову, например, никак не удавался заключительный пассаж. В конце концов и он смог вывернуть пальцы под нужным углом, и тогда наша наставница продолжила:

– Теперь самое главное – совмещение жеста и слов. Проговорите заклинание про себя, сопровождая его необходимыми жестами. Пока не нужно говорить вслух!

Мы добросовестно выполнили требуемое. Я, признаться, чувствовала себя довольно глупо. Этаким детсадовский утренник: «а теперь, детки, возьмите в руки скакалки!» Но все-таки – материализация предмета! До сих пор мне об этом приходилось только слышать.

– Хорошо, – сказала Лариса Романовна. – Теперь перейдем непосредственно к исполнению формулы. Потренируемся мы, пожалуй, на спичках. Итак, показываю...

Она произнесла формулу, сопровождая её движениями рук, и – я не поверила своим глазам! – на столе перед ней действительно появилась спичка!

– Если кто-то сомневается в подлинности сего предмета, – сказала Лариса Романовна, – можете попробовать прикурить. Сомневающихся нет? Или никто не курит? – Мы немного нервно захихикали. – Ну что ж, приступим. Начнем, пожалуй... – Она посмотрела в список и решила начать с конца. – Чернова Наина?

– Это я, – сказала я, вставая и внутренне холодея. А ну как у меня сейчас ничего не получится?

– Замечательно. Последовательность действий вы запомнили, теперь осталось подключить воображение, – сказала Лариса Романовна. – В момент завершения формула и заключительного жеста нужно как можно четче представить себе предмет, который вы хотите получить. Итак?..

Я постаралась взять себя в руки и начала выговаривать формулу. Руки автоматически выводили нужные жесты... Спичка? Ага. Что это такое? Такая деревянная щепочка с цветной

серной головкой... Мне вдруг вспомнились спички, которые я видела только в раннем детстве – не с коричневыми головками, а со светло-зелеными. Они мне ужасно нравились, я любила клеить из них домики...

Я произнесла последнее слово формулы. Внутри меня что-то вдруг словно напряглось и тут же отпустило.

Я опустила взгляд – на столе передо мной лежала спичка. Точно такая, как я представляла, с зеленой серной головкой.

– Отлично, – удовлетворенно кивнула Лариса Романовна. – Вижу, хотя бы один человек мой урок усвоил. Теперь вы...

Пока все остальные усердно извлекали из воздуха спички, я пыталась прийти в себя. Вот это да! Неужели мне повезло? Неужели я смогу научиться чему-то стоящему? «Да. А потом пойду работать на спичечную фабрику,» – добавил внутренний голос.

– Внимание! – постучала по столу Лариса Романовна. – Вы молодцы, первый опыт прошел успешно. Продолжим...

И мы продолжили. Битых три часа мы тренировались на этих клятых спичках, чтобы научиться легко и непринужденно создавать их сперва без помощи рук, потом без помощи голоса, одним лишь жестом, а потом и вовсе одним усилием мысли...

К концу занятий я чувствовала себя, как выжатый лимон, остальные, похоже, ощущали то же самое, но никто не роптал. Видимо, быть отчисленным не хотелось никому. А я задумалась – за какие же грехи попали на этот факультет остальные? Они тоже стремились к закрытым от широкой общественности знаниям или причина в другом? И как это так удачно совпало, что все мы оказались в группе одновременно, считай, в самом начале учебного года?

– Ну что ж, – прервала мои раздумья Лариса Романовна. – Последнее усилие, дети мои, и я вас отпускаю. Итак, что мне от вас нужно? Нужно мне, чтобы вы сейчас создали какой-либо сложный предмет. Разумеется, не спичку, их тут и так более чем достаточно. Ограничиваю я вас только в размерах – предмет должен быть не больше теннисного мяча. Теннисный мяч все представляют? Ну вот и отлично. Приступайте. Даю вам пять минут.

Преподавательница вышла за дверь, оставив нас в некотором недоумении. Я прикрыла глаза, чтобы не отвлекаться, и представила себе яблоко. Яблоко – это ведь сложный предмет, не правда ли? К тому же мне очень хотелось есть. Когда я нервничаю, я всегда хочу есть, хорошо еще, завожусь я не так уж часто, иначе бы разъелась до неприличных размеров.

Итак... Ну вот, ко мне привязалось любимое словечко Ларисы Романовны! Яблоко... Скажем, сорта «уэлси» – они как раз не очень крупные. Такое зелененькое, с красным бочком, блестящее... Если его укусить, сок так и брызжет, мякоть довольно мягкая, кисло-сладкая, а шкурка немного терпкая на вкус, чуть горьковатая...

Я открыла глаза. Ух ты, получилось! Это яблоко определенно просилось в рот!

Оглядевшись, я посмотрела, кто что сотворил. Евдокимов пошел по наиболее простому пути, создав коробок спичек. Перед Ковалевым лежал перочинный нож, перед Федоренко – брелок с эмблемой «Мерседеса». Светлана вертела в руках заколку для волос, Маргарита – карандаш.

– Ну что, все готовы? – В аудиторию вошла Лариса Романовна. – Итак, что у вас? Гм...

Маргарита чиркнула что-то на клочке бумаги своим карандашом и ехидно прошептала, склонившись в мою сторону:

– Карандаш хоть пишет, а твоё яблоко вообще съедобное?

Я почему-то обиделась чуть не до слез и, особенно не раздумывая, ухватила яблоко и откусила едва ли не половину. Яблоко как яблоко. В прошлом году мы чуть не два мешка таких собрали.

– Ну что ж, – весело сказала Лариса Романовна, не без интереса наблюдавшая за мной. – Если продукт магического эксперимента можно есть, это доказывает успешность самого экс-

перимента! Вы отлично сегодня потрудились, дети мои! Жду вас завтра к половине девятого – в восемь, по-моему, рановато.

– В половине девятого тоже рановато, – пробурчал Ковалев. – Мне добираться два часа...

– Увы, ничего не могу поделать, – ответила Лариса Романовна, демонстрируя тонкий слух. – Расписание составляет Игорь Георгиевич, а он, к вашему несчастью, мало того, что сам жаворонок, так и прочих полагает такими же ранними пташками. Ах да, чуть не забыла. Задание на дом: постарайтесь отработать материализацию предмета сложной конфигурации, покажете завтра. До свидания!

Мы вывалились в коридор и направились к лестнице. Я мельком глянула через плечо. Коридор опять уходил в бесконечность. Нет, это не этаж, а одна сплошная физическая аномалия!

Как ни странно, на следующее утро никто не опоздал. Лариса Романовна вошла в аудиторию без двадцати девяти минут девять и, поздоровавшись, велела приступать к демонстрации домашнего задания. На сей раз для разнообразия она начала вызывать по алфавиту.

Маргарита, лишившаяся своих роскошных ногтей, продемонстрировала маникюрный набор. После этого мы долго не могли успокоиться, а я сделала вывод, что у Маргариты всё же есть чувство юмора. Впрочем, желания сойтись с ней поближе у меня все равно не возникло. Света создала кружевную салфетку с замысловатым узором. Евдокимов никого не потряс, показав блокнот на пружинке, Ковалев выдал игрушечный автомобильчик, а Федоренко – мобильный телефон. Последняя вещь очень заинтересовала Ларису Романовну.

– Сережа, голубчик, а он работает? – вкрадчиво поинтересовалась она.

– Н-нет... – выдавил он.

– А почему?

– Не знаю... – ответил он, вертя в руках трубку. – Дома работал.

– Что-то не верится, – качнула головой наша наставница. – Сережа, ты хорошо себе представляешь, как именно функционирует подобный аппарат?

Наш вундеркинд заметно смутился, а Маргарита весело сказала:

– Ну ты просто старик Хоттабыч!

– Почему это? – обиделся Сергей.

– А тот тоже телефонный аппарат сотворил, – пояснила Маргарита. – Из цельного куска мрамора... с позолотой.

Когда мы перестали смеяться, Лариса Романовна произнесла:

– Рита права. Не зная досконально, как устроен предмет, вы не сможете его создать. Это одно из естественных ограничений, накладываемых природой вещей на использование магии.

Ага. Ну, теперь-то окончательно понятно, отчего в нашем мире, в котором существует магия, промышленность до сих пор не изжила себя! Попробуй, создай сразу, скажем, какой-нибудь трактор... Да что там трактор, даже цветной телевизор! Во-первых, магов, способных на такое, наверняка раз, два и обчелся. Во-вторых, это же нужно тратить время на изучение создаваемых предметов, а я вот, например, вряд ли сумею уловить принцип работы DVD-плеера или хотя бы калькулятора. А если создавать что-то по частям... Извините, это уже просто непозволительный расход потенциала! Ставить даже самого завялященького мага к конвейеру, скажем, с литыми колесными дисками, вряд ли кто-то решится. Намного проще и дешевле производить все эти товары вручную...

– Ну что же, у нас осталась одна Наина, – произнесла Лариса Романовна, снова оборвав мои размышления.

Я вздохнула и сосредоточилась. Я приготовила бронзовую статуэтку всадника. Дома я тренировалась на совсем крошечных фигурках, а эту решила сделать побольше.

– Хорошо, – одобрила преподавательница мою работу, наблюдая за тем, как я пытаюсь отдышаться – что-то мне было нехорошо. Потом наклонилась и шепнула: – Знаешь, отчего ты так устала?

– Нет, – мотнула я головой. – Фигурка вроде небольшая...

– Некрупная по размеру, – подтвердила Лариса Романовна. – Но довольно большая по массе. Осторожней впредь, не надорвись.

Отойдя от меня, Лариса Романовна потребовала всеобщего внимания.

– Вот что я хочу спросить, – сказала она. – И постарайтесь ответить честно. Кто из вас *не* пробовал дома создавать деньги?

Я почувствовала, что краснею, и краем глаза заметила, как Света стала пунцовой, а Рита зачем-то полезла в сумку.

– Пробовали, – констатировала Лариса Романовна. – Ничего постыдного в этом нет. И как, получилось?

– Нет, – ответил Ковалев за всех.

– Хотите знать, почему? – поинтересовалась она и, не дожидаясь нашего ответа, продолжила: – Дело в том, что это заклинание содержит в себе ограничение. Тот, кто его составил, принял меры для того, чтобы у магов не возникало соблазна обогатиться подобным образом. А поскольку заклинание не столь уж сложное, то, сами понимаете, соблазн возникал у многих!

– Нет, ну ладно, – весьма невежливо перебил Ковалев. – Допустим, мы не можем создать купюру, потому что там уйма степеней защиты, мы их всё равно не знаем, так что деньги так и так вышли бы фальшивыми. А вот, например, золотая монета или там алмаз? Почему они тоже не получают?

– А потому, мой дорогой, – ответила Лариса Романовна, – что заклинание было составлено именно в те времена, когда в ходу были как раз золотые монеты и драгоценные камни, а не нынешние бумажки. – Помолчав, она добавила: – Странно, что этого вы не узнали из курса истории магии, вам должны были читать этот раздел еще на третьем курсе...

Я на всякий случай уставилась в парту. Лекции по истории магии я всегда безбожно прогуливала, поэтому не могла сказать, рассказывали там что-то о проблеме создания драгметаллов или нет. Судя по тому, как потупились остальные, они тоже не питали любви к упомянутому предмету.

– А можно это ограничение как-то обойти? – подал голос Евдокимов.

– Ну уж во всяком случае вам это недоступно, – сказала Лариса Романовна. – Впрочем, и мне тоже. Магов такого уровня, чтобы суметь изменить ограничения в базовом заклинании, сейчас не существует. Возможно, в будущем...

Она вздохнула, слегка развела руками, а мне показилось, будто она чего-то недоговорила. Впрочем, Лариса Романовна уже сменила тему:

– Что-то мы заболтались. Приступим к занятиям. Сегодня мы будем отрабатывать дематериализацию.

– Это что, надо первое заклинание наоборот прочитать? – спросил Федоренко, и я поняла, что он уже попробовал. Наверно, создал что-то вовсе уж несусветное и хотел от этого чего-то избавиться.

– Нет, голубчик, – ответила Лариса Романовна. – Слушайте и запоминайте...

Когда мы всё усвоили, она начала, по традиции, с меня. Я сделала всё, как полагалось, чтобы уничтожить свою статуэтку (хоть и жаль было). Она исчезла, но в столешнице почему-то образовалась круглая дыра размером с футбольный мяч.

– Ничего страшного, – поспешила меня утешить Лариса Романовна, провела ладонью над столом, и он вновь стал целым. – Ты дала чересчур сильный импульс. Постарайся лучше контролировать себя. Попробуй ещё раз.

Я попробовала ещё раз и ещё... К концу занятия я настолько хорошо изучила свой стол, что смогла бы работать на мебельной фабрике. Пару раз стол исчезал вместе с участком пола, но в конце концов я научилась соразмерять свои силы. Остальные надо мной откровенно потешались, но вот Лариса Романовна вовсе не выглядела огорченной моими неудачами. Это меня заинтриговало, но выяснить, в чем дело, возможности не представилось, а напрямую я спросить не рискнула.

Давая задание на дом, преподавательница сказала:

– Предупреждаю вас сразу, дети мои. То заклинание, которому вы сегодня научились, пригодно для уничтожения только неживой материи, причем в ограниченных объемах. Грузовик вы не дематериализуете, и дело не в ваших способностях.

– Опять ограничения? – спросил Ковалев.

– Да, и, к сожалению, вынужденные, – вздохнула Лариса Романовна. – Искренне верю в то, что вы разумные молодые люди, и вам можно доверять, но, к сожалению, Игорь Георгиевич этой моей уверенности не разделяет, поэтому с более сложными заклинаниями придется обождать. До завтра, дети мои. Готовьтесь как следует.

И потянулась учеба. В принципе, учиться было не так уж сложно, если, конечно, не отлынивать и не пропускать занятий. Я уже говорила, что интересным вещам мне учиться легко, а тут скучать не приходилось, так что особенных проблем я не испытывала.

Несколько огорошил нас тот факт, что зачеты у нас будут проходить не по окончании семестра, как принято повсеместно, а каждый месяц. Причем зачеты весьма серьезные: Лариса Романовна, уж на что казалась доброй, на этих мероприятиях выворачивала нас наизнанку! К счастью, базовый курс оказался не столь уж большим и, как только мы освоились с материализацией, дематериализацией, телекинезом и телепортом небольших предметов, Лариса Романовна передала нас другим преподавателям.

Представительный Лев Андреевич учил нас работе с живой материей. Это было не столь сложно, сколько тоскливо и мучительно – требовалось до мелочей просчитывать жизненные циклы создаваемых растений и существ, постоянно держать в голове несколько десятков аксиом и правил. Я в очередной раз убедилась, что этот раздел знаний совершенно меня не привлекает, и вовсе не из-за сложности, и окончательно распрощалась с мыслями о медицинском или ветеринарном направлении в магии.

Впрочем, случались и просветы в этих нелегких штудиях. Никогда не забуду тот день, когда мы работали с улитками! Почему-то лучше всего с живой материей управлялся Леша Ковалев: у него и амебы получались особенно прыткие, и кактусы с мухоморами росли, как на дрожжах, теперь вот и улитка бодро ползала по столу. С восемнадцатой попытки получилась улитка и у меня. Как всегда, что-то я упустила, и ракушка у неё оказалась ярко-синяя. Я, правда, сделала вид, что так и было задумано, в эстетических целях, так сказать. А вот у Светы дело не ладилось. То есть еще больше не ладилось, чем у меня, а это, знаете ли, о многом говорит. В конце концов, Лев Андреевич не выдержал и начал помогать ей советами. Но то ли его советы были рассчитаны на более умелых индивидуумов, то ли Света что-то перепутала... Словом, через секунду после заключительного пасса аудиторию потряс сперва дикий Светкин визг, а потом не менее дикий общий хохот.

На столе у Светы лежала улитка, но какая! Бедное существо оказалось размером с хорошего барана, так что студенистые края улиточьего тела свешивались со стола. Не успели мы опомниться, как улитка плюхнулась на пол и резво поползла по аудитории, а Света брякнулась в обморок, надо думать, от переутомления.

Когда совместными усилиями нам всё же удалось избавиться от монстра, оказалось, что половина аудитории перемазана слизью, и ходить по ней не представляется возможным. Словом, нам влетело ещё и за срыв занятия...

Влетело, разумеется, от Давлетьярова, который всегда являлся, как карающий дух, в самый неподходящий момент. И что его принесло в аудиторию именно в это время, ведь неделю к нам не заглядывал! Все бы обошлось, Лев Андреевич сквозь смех обещал нас не выдавать, но не тут-то было. У Давлетьярова, похоже, было какое-то особенное чутье на неприятности, вот и в этот раз он воздвигся на пороге как раз в тот момент, когда мы втроем – Лев Андреевич, я и Ковалев – пытались уничтожить последние следы Светиноного конфуза, двое других ребят отмывали парты вручную, а Маргарита приводила в чувство Свету. Случилась немая сцена, после чего посыпались громы и молнии. Досталось даже Льву Андреевичу, правда, в более вежливой форме, чем нам, мы же, простые смертные, были названы большим количеством цензурных по форме, но бранных по содержанию эпитетов, высказанных весьма эмоционально. Изысканно ругаться Давлетьяров умел, это было, по-моему, единственное его достоинство, порой за ним записывать хотелось...

Тем не менее, инцидент был исчерпан, никого не отчислили, и все вернулось на круги своя.

К счастью, животными мы не занимались, ограничившись всякими там моллюсками и червяками. В жизни бы не подумала, что дождевой червь так сложно устроен! Зачет по этому курсу мне, правда, удалось сдать с первого раза, в отличие от Светы, но только потому, что Лев Андреевич мне явно симпатизировал.

Тем временем наступила зима, а у нас начался курс медицины. Всякое там траволечение, заговоры и прочее. Всё бы ничего, но нас отправили на практику в больницу, разумеется, под присмотром преподавателя. Мне очень повезло, что у меня крепкие нервы, и я не падаю в обморок при виде крови. Рита, к примеру, ходила бледно-зеленая и то и дело убегала в туалет. Но, во всяком случае, это было хоть и малоприятное, но настоящее дело. Наверно, именно по этой причине я не пыталась уклониться от участия в различных процедурах, производимых над пациентами. До настоящих магов-медиков нам было далеко, но азы нам все-таки преподали, и оказать посильную помощь, чтобы человек смог дождаться приезда бригады профессиональных врачей, мы были теперь вполне в состоянии.

Кому-то может показаться странным тот факт, что я так мало рассказываю о взаимоотношениях с однокурсниками. Но дело в том, что этих отношений, считай, и не было вовсе. То ли из-за чрезвычайной загруженности, то ли из-за особенностей характера, но никто не стремился наладить близкий контакт, ограничиваясь дежурными приветствиями и общими темами для разговоров во время перерывов. Евдокимов был нелюдим по жизни, Ковалев пресекал любые попытки завязать разговор на личные темы, Рита могла вскользь сказать такое, что потом неделю не отплюешься, Света тоже не шла на сближение. Я по природе своей предпочитаю наблюдать за всеми со стороны, составляя о них мнение (обычно я не ошибаюсь в своих оценках) и предоставляя сделать первый шаг другим. Увы, единственным, кто однажды попытался наладить общение, оказался Федоренко. Как-то на перемене он подсел ко мне и завел разговор о каких-то пустяках.

– Ты что-то плохо выглядишь, – сказала я ему. – Совсем заучился, что ли? Ты смотри, не перетрудишься!

– Не, – мотнул головой Сережка. Он и впрямь выглядел бледно. – Я это...

Он наклонился ко мне поближе и прошептал:

– Я машину собираю, устал, как собака!

– Как это – собираешь? – не поняла я.

– А вот так! – гордо ответил он. – Разом я её создать не могу, большая больно, да и сложно, сама понимаешь, а если по частям – то очень даже можно. Вчера вот переднюю ось делал, здоровая, стерва, раз пять переделывать пришлось.

– Ты её собрать-то сможешь? – хихикнув, спросила я.

Сергей пожал плечами.

– У меня брат в автосервисе работает, поможет, если что, – сказал он. – Я-то сперва на велосипеде тренировался, ничего, всё получилось... Классный велик, ребятам во дворе загнал.

– Молодец, – сказала я ехидно. – Продолжай в том же духе, через годик сможешь автосалон открыть.

– Да я уж думал, – признался Сергей. – Если меня отсюда вышибут, пойду к брату работать. На запчастях для иномарок знаешь, сколько наварить можно? Их же гонят сотнями, подержанные-то, а там то и дело что-то ломается, это только говорят, что импортные лучше наших. Новые, может, и лучше...

Мне стало противно. Федоренко решил податься в автомобильную мафию, судя по всему. Ну-ну... А казался таким милым парнем! Вслух я этого, конечно, не сказала, просто постаралась поскорее свернуть разговор.

Да уж, много соблазнов у начинающих магов! Впрочем, сама я в то время носилась с не менее привлекательной идеей. Суть её заключалась вот в чем: базовое заклинание материализации содержит ограничение, не позволяющее создавать деньги, драгоценные металлы и камни. Но, если я ничего не путаю, в те невообразимо древние времена, когда заклинание создавалось, о таком драгоценном металле, как платина, никто и слыхом не слыхивал... не говоря уж об уране или плутонии... Конечно, с ядерным топливом я связываться не стала, ограничившись платиной. И моя догадка оказалась верной! У меня получилось миленькое колечко, без камушка, правда, зато из чистой платины, о чем мне компетентно заявил оценщик ювелирных изделий... Я не стала зарываться и организовывать преступный синдикат по сбыту платины за рубеж, но колечко носила, тихо гордясь собой... Неужто никто больше до такого не додумывался, принимая на веру, что нельзя создать *никакого* драгоценного металла? Или догадывались – но предпочитали об этом не распространяться?

Но это всё были цветочки... Ягодки ещё и не показались, когда мы лишились Евдокимова. Он умудрился три раза кряду провалить зачет по народной медицине и на занятия после коротких новогодних каникул не явился. Мы сперва думали, что он заболел, но потом выяснилось, что Евдокимова отчислили за неуспеваемость. Это было странно, тем более, что Рита пересдавала зачет пять раз (только в последний раз ей удалось не грохнуться в обморок при виде кровоточащей раны), но осталась в наших рядах. Очевидно, у Давлетьярова, присутствовавшего на каждом зачете, были какие-то свои критерии оценки студентов. Он, правда, никогда не задавал каверзных вопросов, вообще не подавал голоса, но всегда что-то помечал в своих бумагах. Дорого бы я дала за то, чтобы заглянуть в эти его записки! Давлетьяров вообще был личностью загадочной, у меня, например, не получалось воспринимать его, как обычного человека. Он всегда возникал будто из ниоткуда, обрушивал на наши головы всевозможные кары, и так же исчезал. Словом, это было неизбежное зло, с которым приходилось мириться, хоть и было это нелегко.

Так вот, после Нового года за нас взяли всерьёз, не давая времени на раскачку. К ежедневным практическим занятиям «на повторение» добавился теоретический курс составления заклинаний. Это было чудовищно, прежде всего потому, что заклинания составлялись исключительно на каком-то древнем языке, который предварительно нужно было выучить. Ещё более ужасным было то, что семинары по этому курсу у нас вел сам Давлетьяров. Поощады он не давал никому и каждое занятие устраивал нам чудовищные разносы то за невыученную лексику, то за грубые грамматические ошибки, то за отвратительное произношение. Мне доставалось чуть меньше, может быть, потому, что я не испытывала особенных трудностей с произношением. Мне и раньше легко давались иностранные языки и, когда в университете я начала учить второй иностранный, немецкий, я не путалась, как многие.

Вот и сейчас Ковалев с мучительными усилиями продирался сквозь зубодробительные буквосочетания «элементарного» учебного текста. Давлетьяров следил за его агонией с брезгливым любопытством, а я наблюдала за Давлетьяровым. Вот бывают же настолько неприятные

люди, что это чувствуется на расстоянии, словно от них волны какие-то исходят! Повезло нам с преподавателем, ничего не скажешь...

Давлетьяров стоял ко мне боком, так что я могла полюбоваться его профилем. Ничего особенного, если не считать застывшего на его лице выражения глубокого отвращения. То ли дело Лариса Романовна или Лев Андреевич! Они хоть и драли с нас по три шкуры, так хоть объясняли понятно, интересно и не смотрели, как на безнадежных тупиц. Нет, Давлетьяров (с выговариванием его имени-отчества у меня до сих пор были проблемы) никогда никого не оскорблял прямо, но у него была такая богатая мимика и такой обширный словарный запас...

Вот интересно, сколько ему лет? На вид вроде побольше тридцати, но не намного. Впрочем, ему может оказаться и пятьдесят, по людям с такой внешностью трудно определить их возраст.

– Чернова, ты оглохла? – ворвался в мои размышления резкий голос.

Я встrepенулась, судорожно нащарила глазами место, на котором остановился Ковалев, и продолжила читать. Читала я не то чтобы очень бегло, зато без ошибок. Добравшись до конца абзаца, я сделала паузу, и тогда-то Давлетьяров и отметил не без сарказма:

– Неплохо, но я просил перевести уже прочитанное.

Остальные наблюдали за мной с сочувственным злорадством.

Я почувствовала, что краснею, и принялась переводить то, что читал Ковалев. На моё счастье, текст был действительно не очень сложный. Давлетьяров и не думал меня останавливать, так что мне пришлось переводить и свой кусок. Управилась я как раз к концу занятия.

Народ уже вывалился в коридор, а я, красная, потная и злая – ей-богу, легче картошку копать, чем этот чертов язык учить! – всё никак не могла собраться.

Давлетьяров придержал меня в дверях и своим обычным безразличным тоном произнес:

– Если тебе, Чернова, скучно на моих занятиях, тебя никто здесь не задерживает. Я ясно выражаюсь?

Я молча кивнула и, кипя от злости, направилась домой. Впрочем, на полпути к выходу из университета я вспомнила, что нам было велено получить в библиотеке кое-какие книги, и к тому же сделать по ним задание. Давлетьяров лично подписывал нам разрешения на пользование закрытым фондом и выдавал пропуска и новые читательские билеты. Что он со мной сделает, если я завтра ещё и без домашнего задания явлюсь, подумать страшно!

Я чертыхнулась про себя и отправилась в библиотеку. Там меня ждало некоторое потрясение, в том плане, что на стойкой обнаружилась Леночка Сливина. Впрочем, она тоже вылупилась на меня, как на привидение.

– Ленка? – выпалили мы одновременно. – Наина?

– Тебя же отчислили! – сказала она, справившись с отвисшей челюстью.

– Тебя тоже вроде бы уволили, – фыркнула я. – А ты вот она стоишь, как ни в чем не бывало.

Леночка немного покраснела и торопливо произнесла:

– Ну, давай требования, что там у тебя?

Я выложила пропуск, разрешение, читательский билет и прочие бумажки, открывающие доступ в хранилище. Леночка определенно побледнела и принялась суетливо искать ключи от сейфа.

– Идем, – сказала она наконец и провела меня уже знакомым маршрутом.

Там одна долго гремела ключами (я отметила, что код сейфа, где хранятся ключи, Леночка всё же выучила наизусть), щелкала какими-то переключателями... Той памятной ночью я и то быстрее справилась, хоть и без привычки. Наконец бронированная дверь приоткрылась, и Леночка сказала:

– Иди давай. Инструкции знаешь?

– А то... – сказала я, проникая внутрь.

Ещё бы не знать! Давлетьяров битый час читал нам лекцию по правилам пользования библиотекой. После моего «подвига» там установили новые охранные системы, и теперь мне предстояло испытать их действие на собственной шкуре.

Как и предписывалось, я приложила ладонь к отполированной металлической пластине. Если моих данных нет в списке допуска, мало мне не покажется. Однако обошлось...

Я вошла внутрь, быстренько нашла нужную книгу и направилась к выходу, попутно читая названия на корешках. Теперь-то мне было понятно, что там написано: «Твари огненные и воздушные и способы управления ими», «Краткий курс боевой магии. Раздел первый: огонь», «К вопросу о реальности...»

Реальности чего, я прочитать не смогла, такого слова в моём лексиконе еще не было.

Оформляя книгу, Леночка упорно молчала, не реагируя на мои попытки завести разговор. Впрочем, неизвестно, как ей влетело за мои похождения. Я, может, тоже не захотела бы общаться с тем, кто устроил мне этакую подлянку.

Взглянув на часы, я решила, что задержусь в стенах университета ещё на часок. Время не очень позднее, дома никто волноваться не будет – родители уехали на неделю к моей бабушке, – а тащить домой тяжеленную книжищу неохота. Лучше я сделаю задание здесь, сдам книгу, а завтра с утра снова её возьму.

Я снова поднялась на шестой этаж, зашла в нашу пустую аудиторию и углубилась в книгу. Задание оказалось ого-го каким! С грамматикой я кое-как справилась, тексты прочла и даже половину поняла, оставалось вы зубрить весьма обширную лексику, сделать пересказ и ответить на заковыристые вопросы, надиктованные Давлетьяровым. От этих вопросов у меня порой просто мозги закипали, а Давлетьяров в ответ на наш робкий ропот обычно заявлял, что мы просто не умеем думать, а если и пытаемся это делать, то не тем органом, коий природа для думанья предназначила, а каким-то совершенно другим.

Я сидела, уткнувшись носом в книгу, и даже не заметила, как в коридоре погас свет. И подавно не уловила момента, когда уснула, опустив голову на руки...

Я проснулась от того, что кто-то не очень вежливо потряс меня за плечо. Первым, что я увидела, разлепив глаза, была малоприятная физиономия Давлетьярова. Не то зрелище, которого я бы жаждала при пробуждении, уверяю вас!

– Ты знаешь, который час? – будничным тоном спросил он.

Я бросила взгляд на часы... Половина второго ночи!!

– Ой, – вырвалось у меня. Теперь, даже если я захочу уехать домой, ничего не выйдет – метро-то закрылось! Да и смысла нет: мне ехать полтора часа, а к половине девятого – возвращаться в университет. Что ж, один раз я здесь уже ночевала...

– Пойдем, – сухо сказал Давлетьяров, не без интереса наблюдавший за сменой выражений моего лица.

Я сгребла свои вещи в охапку и уныло поплелась за ним. Интересно, он-то что делает ночью в университете?

Идти пришлось далековато – коридорчик-то у нас немереный. Наконец Давлетьяров остановился перед какой-то дверью, отпер её и велел мне:

– Заходи.

Я вошла вслед за ним в небольшую комнатенку. Тесно, вещей мало, в целом – довольно близко. Стол, стул, на столе компьютер, несколько папок с бумагами, у стены – узкий диванчик.

– Располагайся, – кивнул Давлетьяров на диван. – Дверь я закрою снаружи.

– Спасибо, Игорь Георгиевич, – пискнула я, с перепугу правильно выговаривая его имя-отчество. Смысл фразы насчет двери дошла до меня, только когда в замочной скважине про-вернулся ключ.

Замечательно! Я прошла по комнате. За узкой дверью в торце комнаты обнаружился крохотный санузел. Ладно, хоть умыться можно...

За дверью вдруг послышались голоса. Один определенно принадлежал Давлетьярову, второй был женский, смутно знакомый. Я прилипла к двери и превратилась в слух.

– Доброй ночи, – сухо произнес Давлетьяров. – Завтра мы это обсудим.

– Игорь, пойми, ты себя загубишь, – перебила женщина. – Так нельзя! Сколько ночей ты уже не спал?

– Не помню, – сухо отозвался Давлетьяров. – Мне кажется, что это моё личное дело.

– Игорь!..

– Доброй ночи.

Послышались удаляющиеся шаги, потом женщина выругалась вполголоса, кажется, стукнула кулаком по стене. Очень глупо, так и руку отбить можно. Процокали каблуки, и всё стихло.

Оч-чень интересно! Оказывается, в университете кипит бурная ночная жизнь! Жаль, мне никогда не узнать, в чем она состоит...

В комнате было холодно. Я положила под голову сумку, на неё – свернутый шарф, укрылась курткой – хорошо ещё, не сдала её в раздевалку! – и уснула. Кошмары меня не мучили.

Я проснулась, как обычно, без четверти семь. Попробовала ещё подремать, но скоро поняла, что из этой затеи ничего не выйдет – я всё боялась проспать. В конце концов я встала, умылась. Отчаянно хотелось почистить зубы. Минут через десять я догадалась-таки сотворить зубную щетку. С зубной пастой дело не заладилось, пришлось ограничиться мылом. Если вы никогда не чистили зубы мылом, лучше и не пробуйте – это на любителя.

Кое-как отплевавшись, я поняла, что хочу есть, и сотворила себе бутерброд. Хлеб удался, а вот с колбасой вышла незадача. Пришлось удовольствоваться сыром, который я не люблю, но который у меня отлично получается. Попытки выпить чаю тоже ни к чему не привели, должно быть, мои способности еще не соизволили проснуться, так что я обошлась водой из-под крана.

Заморив таким образом червячка, я устроилась на диване, решив доделать задание. Как выяснилось, работы оставалось всего ничего, и я управилась как раз вовремя – ровно в восемь дверь распахнулась, и на пороге возник Давлетьяров. Я с любопытством взглянула на него – раньше я как-то избегала встречаться с ним взглядами. Хорошо были видны тени под глазами, а утренний свет резче обозначил ранние морщины. Похоже, у него и седина есть... Сейчас Давлетьяров выглядел не на тридцать, а на все пятьдесят с гаком.

Я бочком протиснулась мимо него в коридор и встала у стеночки, подбострастно ожидая распоряжений. Давлетьяров запер комнату и бросил мне через плечо:

– Передай своим, что семинара сегодня не будет.

Я молча кивнула и поспешила в свою аудиторию.

Понятно, мое известие было встречено бурей восторга – как выяснилось, все поголовно забыли о том, что нужно заглянуть в библиотеку, и ожидали справедливого разноса. А я, стало быть, пострадала ни за грош...

Я сидела на лекции, старательно записывала и попутно размышляла о том, что Давлетьяров, в сущности, не такой уж отвратительный тип. Конечно, характер у него чудовищный, да и самомнение будь здоров, но... он мог вчера выставить меня на улицу, мотивируя это тем, что ночью находиться в здании университета запрещено. Однако ж не выставил, а даже обеспечил вполне культурный ночлег. Или он просто не хотел, чтобы я увидела или услышала то, что мне видеть и слышать не полагалось? В ночных событиях определенно крылась какая-то тайна, но разгадать мне её было не под силу. Не шпионить же за Давлетьяровым! От одной мысли об этом меня передернуло, вернее, не от самой идеи шпионажа, а от предположение о том, что со мной сделает Давлетьяров, если застукать, а застукать он меня наверняка. Нет уж, увольте...

Впрочем, на данный момент ещё одна проблема требовала разрешения, а именно: почему Леночка была так уверена, что меня отчислили? Поверила кому-то на слово? Я не поленилась и прошла на свой бывший этаж. Там, на доске объявлений возле учебной части, всё ещё висел список отчисленных в прошлом семестре. Я без особого удивления обнаружила свою фамилию. «Отчислена за поведение, порочащее звание студентки ГМУ». Я хмыкнула и направилась на другой этаж. Через час я обнаружила на стендах возле учебных частей разных факультетов все знакомые фамилии: Евдокимов, Ковалев, Федоренко, Балашова, Горенко, причем последние двое были отчислены не осенью, а еще весной. И все с одной и той же формулировкой: «за поведение, порочащее звание...» Весьма обтекаемая формулировка, надо отметить... Знать бы, что натворили остальные? И ведь не спросишь, а спросишь, так не ответят!..

Дни потянулись своим чередом. Давлетьяров третировал нас, как и прежде, а меня так и ещё больше. Стоило мне разок опоздать на занятия, как он повадился давать мне индивидуальные задания, да такие, что меня порой оторопь брала. Однако приходилось делать – на все просьбы и мольбы о пощаде у Давлетьярова был один ответ: «Тебя никто здесь не держит».

Правда, через пару недель он от меня отстал и взялся за Маргариту. Свету он вообще частенько доводил до слез, а с нашими парнями у него были крайне напряженные отношения. Проще говоря, они его терпеть не могли. Словом, Давлетьяров был человеком, способным восстановить против себя кого угодно. Меня всегда удивляло, что остальные преподаватели относятся к нему едва ли не с нежностью, особенно Лариса Романовна. И это при том, что с ними он вел себя ничуть не любезней, чем с нами!

В тот день я, как обычно, приехала в университет слишком рано. Это всё из-за дурацкого расписания автобусов в нашем районе: если я еду на одном, то приезжаю на двадцать минут раньше, чем надо, а если на следующем – то опаздываю на полчаса. Маршрутки у нас в это время ходят набитыми по самую крышу, в них при всем желании не влезешь, да и боюсь я на них ездить, там что ни водитель – так несостоявшийся гонщик с комплексом неполноценности, их хлебом не корми, дай бензовоз подрезать. А телепортации нас хоть и научили, но только применительно к небольшим предметам. Перемещать в пространстве свою драгоценную персону я бы лично не рискнула.

С нашими преподавателями лучше не опаздывать, поэтому я езжу на первом автобусе, а потом маюсь под дверью аудитории в гордом одиночестве, поджидая своих. А сегодня мне даже подремать в метро не удалось: столько было народу, что не нашлось не то что свободного сидячего места, а даже и стоячего. Так что я всю дорогу висела на поручне, от нечего делать разглядывая пассажиров. Кто спал, кто читал... Причем многие читали романы из бесконечной саги о Гарри Поттере. По-моему, он там уже пенсионер... Разумеется, ничего общего с действительностью книги не имеют – где ж вы видели современного мага с совой на плече и в черном балахоне с каббалистическими знаками? В лучшем случае на нем будет лабораторных халат! – но ими всё равно зачитываются. Одна из многих странностей жизни, о которых можно поразмыслить, пока едешь в метро, чтобы не заснуть.

Я зевнула и огляделась. На шестом этаже всегда совершенно безлюдно. Меня сильно занимал этот факт: ведь кроме нашей группы, должны быть группы, старше нас на год и на два, верно? Почему же мы с ними никогда не сталкиваемся? К настоящему моменту я успела нахвататься сведений о таком явлении, как разграниченные пространства, и вопрос отпал сам собой. Шестой этаж как раз и был таким разграниченным пространством, в котором никогда не сталкивались те, кому встречаться не полагалось.

Пока я подпирала стену, с коридором начали происходить обычные утренние метаморфозы: тупик, которым он заканчивался, вдруг заколебался и растворился, открывая бесконечный ряд дверей. Вдалеке, кстати говоря, виднелся Давлетьяров – я узнала его по походке. Похоже было, что он разговаривает с кем-то невидимым. Пару месяцев назад я приняла бы

такое поведение за несомненный признак сумасшествия, но сегодня только уважительно вздохнула: Давлетьяров определенно общался с кем-то через разграничитель. То есть он сам находился в нашем пространстве коридора, а его собеседник – в чужом. А на это, если верить нашему лектору, способны немногие!

Беседа, судя по всему, была не из приятных. Во всяком случае, выражение лица у Давлетьярова было довольно-таки свирепым. А потом начались такие страсти, что я вжалась в стену и пожалела о том, что вообще сегодня приехала в университет. Сперва Давлетьяров остановился, развернулся лицом в невидимому собеседнику и что-то резко произнес. Потом отшатнулся, отступил на несколько шагов – создавалось впечатление, будто его сильно толкнули. Впрочем, Давлетьяров тут же вернулся на исходную позицию, странным жестом выставив перед собой раскрытую ладонь и словно отталкивая ею кого-то. Напряжение, судя по всему, он испытывал страшное – даже с моего места было видно, как дрожит его рука и как ходят желваки на скулах...

Внезапно странная дуэль прекратилась. Давлетьяров сделал несколько шагов вперед – так бывает, когда ломишься в закрытую дверь, а её внезапно распахивают у тебя перед носом. Наверно, невидимка оставил сопротивление, и Давлетьярова повело вперед. Он остановился посреди коридора, низко опустив голову и тяжело дыша. Направился было в мою сторону, но его так шатнуло, что он вынужден был остановиться. Потом он прошел ещё несколько шагов на подгибающихся ногах, придерживаясь рукой за стену, но почти сразу же остановился снова, привалившись к стене.

«Интересно, почему я всегда влипаю в истории?» – спросила я себя, легкой трусцой приближаясь к Давлетьярову. Сперва я тайком проникла в библиотеку, потом заснула в аудитории, теперь вот оказалась нечаянной свидетельницей не пойми чего... Подозреваю, видеть этого мне не полагалось, и я предпочла бы юркнуть в аудиторию и подождать, пока Давлетьяров пройдет мимо, но... судя по всему, с ним что-то было не так.

– Игорь Георгиевич? – осторожно позвала я, подойдя поближе. – С вами всё в порядке?
– Чернова?.. – В вопросе не прозвучало особенного удивления.

Давлетьяров поднял голову, и я невольно шарахнулась. Только через пару секунд я сообразила, что ему вовсе не раскроили череп, а просто у него пошла носом кровь. Он сунул руку за пазуху, и мне на минуту показалось, что сейчас он достанет пистолет и избавится от ненужной свидетельницы.

– Что смотришь? Иди, намочи, что ли...

Давлетьяров протягивал мне белейший носовой платок. Мне ничего не оставалось кроме как сгонять в дамский туалет (счастье ещё, что он не в другом конце коридора) и выполнить требуемое.

Давлетьяров привел себя в порядок, безрезультатно попытался отчистить пятна с пиджака, скомкал платок и сунул его в карман. Взглянул на меня – белки его глаз были покрыты сеточкой полопавшихся сосудов, словно он действительно вынужден был совершить чрезмерное усилие.

– Ты что-то видела? – спросил он определенно с намеком.

– Абсолютно ничего, – понятиливо ответила я.

Давлетьяров кивнул, оторвался от стены и... исчез! Вернее, шагнул за разграничитель. Да это... это... Наш лектор утверждал, что такое вообще невозможно в произвольном месте и в произвольное время, что это требует определенной подготовки! Какой же силой обладает Давлетьяров? И тот, с кем он сегодня повздорил?

«Как хорошо, что больше Давлетьяров не будет вести у нас занятия!» – вот что пришло мне в голову, и я постаралась как можно скорее выкинуть произошедшее из памяти. На этот раз мне почему-то совсем не хотелось разбираться в произошедшем.

Незаметно прошел второй семестр, и нас огорошили очередной радостной вестью: летних каникул у нас не будет. Правда, занятия будут проходить через день, но от этого не легче! Положим, родителям я могу объяснить такое положение вещей летней практикой, но ладно родители! Мне-то тоже хочется летом отдохнуть и побездельничать вволю!

Впрочем, деваться было некуда, и, стиснув зубы, я приготовилась к очередным испытаниям.

Как выяснилось, именно испытаниями наши летние занятия и назывались. Вернее даже, полевыми испытаниями по боевой магии. Я, когда услышала, чем мы займемся, едва не лишилась чувств. Нет, я этого очень хотела, но так скоро! И потом... к чему нам сейчас боевая магия? Из того, что я смогла понять из лекций наших дорогих преподавателей, выходило, что мы – все еще полные дилетанты по части настоящей магии, и такими останемся еще долго. Учить нас боевой магии – все равно что маленькому ребенку давать в руки пистолет! (Я была не слишком высокого мнения о благоразумии своих однокурсников.) Хотя, наверно, у руководства свои резоны, вот еще понять бы их...

Ещё хуже мне стало, когда за нами пришел преподаватель, чтобы отвести нашу группу на полигон. Думаю, несложно догадаться, кто это был. Я так поняла, что Давлетьяров на все руки мастер.

По причине чрезвычайно теплой погоды Игорь свет Георгиевич расстался с неизменным темным костюмом и предстал перед нами в джинсах и рубашке с коротким рукавом. Парадоксальным образом этот молодежный наряд его старил.

Полигон располагался за главным корпусом университета. Собственно, я сперва удивилась, поскольку никакой площадки там и в помине не было, а был только узкий газон, за которым сразу начиналась оживленная магистраль. Однако оглядевшись, я обнаружила, что главный корпус виден словно сквозь некую дымку, и то когда смотришь на него прямо. Стоило отвести взгляд, и здание начинало расплываться, приобретая весьма странные очертания. Тут уж имело место не просто разграничение пространства, а самое что ни на есть его искривление. Этот несчастный полигон вообще мог располагаться за сотню километров от университета.

Давлетьяров построил нас в подобие шеренги и произнес краткое вступительное слово. Из слова этого следовало, что боевая магия – вещь опасная, это раз. Отвечает за наши жизни он, Давлетьяров, и ему это очень не нравится – это два. Если кто-то посмеет нарушить технику безопасности, то моментально вылетит из университета – это три.

По завершению речи Давлетьяров принялся объяснять нам азы. Это оказалось не очень сложно, и вскоре даже у чрезмерно боязливой Светы начали недурно получаться огненные шарики. Сперва мы метали их в пространство, пока Давлетьяров не скомандовал отбой.

– Вон там – мишень, – сообщил он, и одновременно с его словами на изрядном расстоянии от нас возникла мишень. – Задача ясна?

И битую неделю мы лупили по этой чертовой огнеупорной мишени... Передохнуть можно было только если у тебя оказывалось девять попаданий в яблочко из десяти, не меньше. Давлетьяров при этом ещё ехидно замечал, что делает нам поблажку ввиду нашей полной несостоятельности.

Погода стояла чертовски жаркая для начала лета, да ещё эти огненные шары... К вечеру мы выматывались так, что впору было лечь на травку, да так и лежать до следующего дня. Нам вообще-то были обещаны занятия через день, но Давлетьярову было начхать на все обещания. Он гонял нас так, словно на следующую неделю была намечена Третья мировая война с нашим непременным участием.

– Я усложняю вам задачу, – заявил он неделки через две.

Мы тихо застонали.

– Будете учиться перехватывать заряд, – сообщил Давлетьяров. – Встаньте в круг...

Последующее здорово напоминало игру в мяч, только вместо мячика мы перебрасывались огненными шариками. Это было довольно забавно, вот только Рита опалила волосы, а я прожгла здоровенную дыру на футболке.

Затем задача была усложнена ещё больше.

– Вы получаете заряд, – скомандовал Давлетьяров, – и передаете его дальше, немного усилив. Немного, я сказал! Начали!..

Это опять-таки было несложно: поймал заряд, добавил чуть-чуть энергии, передал дальше... Я справлялась с этим играючи, и мне было решительно непонятно, почему Сергей с каждым разом всё дольше собирается с силами, добавляя заряд, а Света болезненно морщится, получая от меня передачу.

– Стоп! – скомандовал Давлетьяров, когда я готовилась в очередной раз отдать Свете выросший до изрядных размеров огненный шарик.

Я замерла на месте, в моей руке слабо пульсировало крохотное солнце, покалывало пальцы и щекотало ладонь.

– Горенко, вышла из строя, живо, – велел Давлетьяров.

– Почему? – удивилась она.

– Хватит с тебя, – понятно объяснил Давлетьяров. Света отошла в сторону с выражением явного облегчения на лице. – Продолжайте!

Эта игра длилась ещё минут десять. За это время выбыли Рита и Лёша Евдокимов. Остались мы с Сергеем. Мы ещё пару минут перебрасывались шариком, пока я не заметила, что Сергей стал подозрительно бледен. Я поняла, что он выбился из сил, но до такой степени не желает проигрывать мне, девчонке, что в жизни в этом не признается. Я бы могла первой выйти из игры, притворившись уставшей, как это сделала Рита, но во мне разыгралась спортивная злость. В конце концов, я не стыдилась признаться, что у меня плохо получается работать с живой материей, а Серега всегда бахвалился своими успехами. Почему же я должна уступать сейчас?

– Хватит, – приказал Давлетьяров, и я снова застыла с огненным шаром в руке. – Давай мне.

Я послушно переправила ему заряд. Огненный шарик лег Давлетьярову в ладонь, померцал пару секунд... и угас.

– Недурно, – сказал он, смерив взглядом тяжело дышащего Серегу. – Немного изменим задание. Правила практически те же самые. Вы получаете заряд, но не передаете его сразу, а поглощаете. Затем генерируете новый, чуть более сильный – Чернова, это к тебе относится! Чуть более сильный, а не впятеро сильнее! – и передаете дальше. Уяснили? Тогда начали.

Это было немного сложнее, тем более, что Давлетьяров задал приличный темп. Поглощаемый заряд вызывал неприятную щекотку, а мне ещё постоянно приходилось следить за собой, чтобы не переборщить с собственным зарядом.

Из круга выбывали почти в той же последовательности, только Света на этот раз продержалась на удивление долго. Уже вышли Рита, Леша, Сергей, а мы всё развлекались. Наверно, дело было в том, что в этой «игре» мы не только отдавали энергию, но и получали её, что облегчало задачу. Я уж было решила, что Светка меня переиграет, но Давлетьяров всё же скомандовал:

– Стоп. Чернова, заряд мне!

Я выполнила приказ, из чистой вредности чуть прибавив энергии.

– Ну почему? – заныла Светка. – Я ещё могу...

– Чернова! – не обращая на неё внимания, рявкнул Давлетьяров. – Ты намеренно пропускаешь мои слова мимо ушей? Таким зарядом ты могла её убить!

Светка немного побледнела, а я мысленно зарычала. Вот гад! Что ж он думает, я совсем дура, посылать Светке такой силы заряд? Я же вижу, что ей его не принять!

– Закончили с игрушками, – резко сказал Давлетьяров. Сегодня он был, судя по всему, в особенно дурном настроении. – Мишень все видят?

Мишень стояла на прежнем месте.

– Объясняю один раз, – произнес Давлетьяров. – Принцип всё тот же. Вы посылаете заряд в мишень, он возвращается, но заметно усиленный. Ваша задача – перехватить его, поглотить и при этом остаться в живых. Поэтому не усердствуйте особенно. Чернова, ясно тебе?

– Ясно, – буркнула я. Что ж он ко мне прицепился-то? За полную идиотку держит, что ли?

Первым пошел Леха. Задача немного осложнялась тем, что стоять надо было спиной к мишени, а генерировать и посылать заряд только по команде Давлетьярова. Леха попал в мишень в пятого раза, правда, заряд перехватил лихо. Рита особенно не усердствовала, поэтому отстрелялась быстро, поставив «огнемет» на минимум. Сергей справился вполне сносно, а Света, хоть и попадала в мишень, никак не могла заставить себя поймать возвращающийся заряд. Наконец настала и моя очередь.

Я встала спиной к мишени, внутренне собралась, но команда всё равно прозвучала неожиданно. Я обернулась, нашарила глазами мишень, одновременно генерируя заряд, и послала его точно в цель. Секундой спустя я сообразила, что сделала что-то не то. Когда же я поняла, *какой* силы заряд ко мне вернется, я в буквальном смысле слова остолбенела.

– Ложись!! – Сильный удар сбил меня в траву, и тут же над моей головой пронесся огненный шквал. Краем глаза я увидела Давлетьярова, принимающего на себя весь чудовищной силы энергетический поток.

Через пару секунд я решила приподнять голову от земли и оглядеться. Наш полигон пересекала изрядной ширины выжженная полоса, мишени вообще не было, ребята осторожно поднимались на ноги, а Давлетьяров стоял надо мной, отряхивая сажу и пепел, и так замысловато матерился, что я даже заслушалась.

Давлетьяров чуть ли за шиворот вздернул меня на ноги, сильно встряхнул и проорал прямо мне в лицо:

– Ты соображаешь, что делаешь?! Голова у тебя на плечах есть?!!

– Я... я... я не нарочно!.. – начала я заикаться с перепугу. Я же действительно не нарочно! Что я идиотка, такие фокусы устраивать?

– Завтра же твоей ноги здесь не будет!! – продолжал бушевать Давлетьяров.

– Игорь Георгиевич... – смогла я вставить словечко. – У вас кровь...

Давлетьяров как-то сразу успокоился, отпустил меня и, прижимая к носу быстро намокающий алым платок, скомандовал нам возвращение в стены родного университета.

На следующий день полевых испытаний у нас не было, и я потащилась в библиотеку. В дороге меня перехватила Лариса Романовна. Я удивилась – она уже давно ничего у нас не вела, что ей могло от меня понадобиться?

– Добрый день, Наина, – поздоровалась она.

– Здравствуйте, – несколько обескураженно ответила я.

– Наина, я бы хотела с тобой поговорить... – начала Лариса Романовна, и я напряглась. Уж не поручил ли ей Давлетьяров сообщить мне радостную весть об отчислении? – Об Игоре Георгиевиче...

– Чего-о?! – У меня глаза на лоб полезли.

Лариса Романовна словно и не заметила моего остолбенения, продолжая:

– Я знаю, он вчера грубо с тобой обошелся, сгоряча пригрозил отчислением...

– Да я сама виновата, – попробовала я отбиться. – Не рассчитала немножко. У меня, знаете, как будто предохранителя нет – срабатываю сразу на полную мощность...

– Ничего, с возрастом научишься управлять собой, – приободрила Лариса Романовна. – Я просто хотела предостеречь тебя от ошибки... Понимаешь, пару лет назад здесь училась одна

девочка, очень талантливая, но... чрезмерно ранимая. Один раз Игорь вот так же сорвался, накричал на неё – и она ушла. Мы всем коллективом убеждали её остаться, но тщетно...

– Ну я ж не тургеневская барышня, – буркнула я. – Подумаешь, наорал. Не отчислил бы...

– Нет, что ты, тебя не отчислят, – успокоила Лариса Романовна. – Во всяком случае, из-за этого происшествия... Просто я хотела предупредить, чтобы ты не принимала близко к сердцу всё, что может наговорить Игорь.

– Вы, конечно, извините, – не выдержала я, – но он мог бы быть и повежливее...

– Не суди его строго, Наина, – серьёзно сказала Лариса Романовна. – Игорь блестящий маг, действительно талантливый, сейчас таких очень мало. К сожалению, он вынужден был оставить практическую деятельность и заняться преподаванием. Естественно, ему это не нравится...

– А почему он практику бросил? – поинтересовалась я.

– На то были свои причины, – уклончиво ответила пожилая дама. – Могу лишь сказать, что в молодости он наделал ошибок, за которые до сих пор расплачивается...

Я вздохнула.

– Он что, базовое заклинание попытался изменить?

– Нет, что ты! Он прекрасно понимал, что такое даже ему не под силу, – улыбнулась Лариса Романовна. – Наина, я бы охотно рассказала тебе... хотя бы для того, чтобы ты не повторила его ошибок, но – не могу. Извини, это не мои секреты.

– Да я ничего... – пробормотала я.

– Ты уверена, что у тебя всё в порядке? – уточнила Лариса Романовна.

– Да конечно! – сказала я. – Я ж говорю – я не кисейная барышня, и какая-то там ругань на меня не действует.

– Отлично, – кивнула она, и мы распрощались.

Днем позже я как ни в чем не бывало явилась на полевые занятия. Сегодня мы отрабатывали электрические заряды, что было сложнее, чем заряды огненные – требовалось особым образом держать руки. Давлетьяров чуть не сорвал голос, объясняя нам, как и что нужно делать.

В конце концов получилось у всех, кроме меня. Мне никак не удавалось уловить нужную позицию, и я поняла, что ещё парочка ехидных Лешкиных замечаний или Ритина улыбочка, и я позорно разреву. Я стиснула зубы и попыталась ещё раз. Безрезультатно.

– Локоть выше, – произнес голос у меня над ухом. – Кисть чуть доверни вправо. Да не так же...

Я была готова провалиться сквозь землю, когда Давлетьяров, встав позади меня, взял меня за локти и поставил мои руки в нужную позицию.

– Пробуй, – велел он.

Я послушно дала импульс... и между моими напряженными пальцами проскочила-таки зеленоватая искра, оставив после себя неприятное покалывание в кончиках пальцев. Давлетьяров, хлопнув меня по плечу, отошел. Я, честное слово, не знала, куда деться, и только через несколько минут до меня дошло, что ребята посматривают на меня не с ехидцей, а с невольным уважением и даже завистью. До сих пор Давлетьяров ни разу не достаивал кого бы то ни было личной консультации, не говоря уж о помощи! Интересно, это его Лариса Романовна накрутила, или он и в самом деле чувствует себя виноватым из-за того, что обругал меня вчера последними словами? Скорее первое, конечно. Угрызений совести у такого субъекта нет и быть не может!..

Так или иначе, но помощь оказалась своевременной, и вскоре я догнала и перегнала признанного было первым «громовержца» – Леху. Правда, я старалась соразмерять усилия, так что на этот раз обошлось без эксцессов.

К счастью, эта часть курса быстро закончилась, Давлетьяров оставил нас в покое, и у нас появился новый преподаватель. Это был ветхий на вид, но необычайно резвый дедок Афанасий Никитич. Между собой мы звали его дедом Афоней, и он, по-моему, отлично об этом знал. Дед Афоня преподавал нам левитацию. Это было нечто! Сам дед, похожий на старика Хоттабыча, весело кувыркался в воздухе метрах в пяти над землёй, наблюдая за нашими отчаянными попытками оторваться от земли и ехидно комментируя происходящее. Внешне это очень смахивало на то, как орел поглядывает сверху вниз на глупых кур, бестолково хлопающих крыльями.

За этими экзерсисами незаметно кончилось лето. Снова начались аудиторные занятия, появились новые, ещё более сложные предметы. Не стану их называть, всё равно обывателю эти наименования ничего не скажут. Давлетьяров у нас больше не появлялся. Странно, но мне было как-то скучно без его ядовитых нотаций. Остальные же преподаватели были подчеркнута вежливы и никогда не позволяли себе повышать голос.

В одно сентябрьское утро я, как всегда, очень рано заявила в университет. Коридор ещё не подвергся утренней метаморфозе, он благополучно оканчивался тупичком с окном во двор. У этого окна спиной ко мне стоял Давлетьяров, курил и мрачно смотрел вниз. Я уж было собралась нырнуть в аудиторию, пока он меня не заметил, но тут он затянулся особенно глубоко, закашлялся, с отвращением посмотрел на сигарету и затушил её о подоконник. Запах дыма достиг и моих ноздрей, и у меня тоже запершило в горле – большей гадости я в жизни не нюхала.

Давлетьяров резко обернулся.

– Чернова? Опять ты? – недовольно спросил он.

– Здравствуйте, – не нашлась я сказать ничего лучшего.

– У тебя удивительная способность оказываться в неподходящем месте в неподходящее время, – сказал Давлетьяров, игнорируя моё приветствие. – Какого черта ты притадилась сюда в такую рань?

Я начала путано объяснять про отвратительно составленное расписание автобусов, из-за которого я приезжаю то слишком рано, то чересчур поздно. В последнее время, к тому же, автобусы взялись ходить даже не по этому жуткому расписанию, а просто как им заблагорассудится.

Давлетьяров определенно потерял ко мне интерес, снова отвернулся к окну и полез в карман за сигаретами. Вообще-то странно, я раньше никогда не видела, чтобы он курил.

– Игорь Георгиевич, – решила я наконец. Я уже давно хотела это сказать, да всё случая не подворачивалось: то народ вокруг толчется, то сам Давлетьяров в отвратительном настроении, так что к нему на кривой козе не подъедешь.

– Что, Чернова? – спросил он, не оборачиваясь.

– Игорь Георгиевич, я хотела... – начала я, но сразу забыла все заготовленные слова. – Ну, тогда, летом... Я действительно не нарочно это сделала... Просто вы скомандовали так неожиданно, а я когда быстро что-то делаю, не успеваю себя проконтролировать. У меня как будто предохранитель отказывает...

Давлетьяров повернулся ко мне, и во взгляде его мне почудился интерес.

– Если бы я знал это раньше, – сказал он, – ты никогда не получила бы зачет. Впрочем, и сейчас не поздно исправить положение.

– Сейчас я уже научилась с собой справляться, – поспешила я сказать.

– Да? – Давлетьяров иронически приподнял брови. – Тогда... зажги мне сигарету, что ли...

Я обиделась было, но потом решила, что с него станет стереть собственную подпись из моей зачетки. Парадоксально, но факт – минимальное усилие всегда давалось мне тяжелее,

чем работа на полную мощность. Впрочем, на этот раз всё обошлось, и на кончике сигареты затлел крохотный огонек.

– Придется тебе поверить, – хмыкнул Давлетьяров. – Учти на будущее: не умеющий себя контролировать маг хуже даже мага-недоучки.

– А Лариса Романовна говорила, что хуже мага-недоучки ничего нет, – не утерпела я.

– Наша Лариса Романовна – добрейшей души человек, – сухо сказал Давлетьяров. – Иди, Чернова, тебе пора на занятия.

Я не без интереса взглянула на него и удивилась. Оказывается, у него вовсе не злые глаза, как мне всегда казалось, а просто очень усталые, даже какие-то измученные. Странно...

После этой встречи я Давлетьярова больше не видела.

БОЙ

Полтора месяца спустя я, на этот раз дико опаздывая, вломилась в университет не с нашего «черного хода», а через главный вход. В глаза мне бросился большой плакат на стенде новостей университета – цветная фотография в черной рамке... «Ушел из жизни... молодой талантливый маг... профессионал... лауреат...» И – большими черными буквами: «Давлетьяров Игорь Георгиевич»...

Это – Давлетьяров?! Открытая белозубая улыбка, ясные зеленые глаза, взъерошенные русые волосы... Это – он?! Я взглянула на дату – ему шел всего лишь тридцать третий год! Он же выглядел лет на двадцать старше!

Я не ожидала, что это известие так выбьет меня из колеи. Я потащила на свой шестой этаж, уже не боясь опоздать. К счастью, лектор тоже задерживался.

– Слышали, Игорь Георгиевич умер, – сказала я ребятам.

– Кто? – не поняли они. – Какой Игорь Георгиевич?

– Давлетьяров, – пояснила я, занимая своё место у стены.

Они на минуту притихли, потом вновь принялись болтать. Им было всё равно...

Пришла лекторша, пожилая Анна Егоровна. Она вела у нас курс «Политика и магия», очень интересный курс, да и рассказчицей она была великолепной, но сегодня я никак не могла сосредоточиться на лекции. Из головы не шел Давлетьяров.

Странно, но я не могла представить его таким, каким он был на фотографии в некрологе. Он вспоминался мне только таким, каким я видела его в последний раз тогда, в коридоре: уставшие тусклые глаза, осунувшееся лицо, седина на висках... Легкий летний загар только сильнее подчеркивал ранние морщины в уголках глаз.

Как странно... Что с ним случилось, он же был совсем молодым? Болезнь? Маги такого уровня не умирают от болезней, это аксиома. Хотя... я помнила, как, закашлявшись, он потом взглянул на ладонь, которой прикрывал рот. И эти странные кровотечения...

– Наина, не отвлекайтесь, – похлопала меня по плечу Анна Егоровна.

Я сделала заинтересованное лицо, но это обращение опять напомнило мне Давлетьярова, его бесконечные «Чернова, к тебе относится!», «Чернова, ты заснула?», «Чернова, я доступно объясню?!» Лишь теперь я сообразила, что изо всей нашей группы он обращался только ко мне, пусть даже и не в самой вежливой форме. Правда, иногда он ещё шипел на Риту, но остальные были для него лишь некими индивидуумами, которых он вынужден был терпеть. И только мне он показывал, как нужно правильно держать руки во время генерации заряда...

До конца дня у меня оставалось отвратительное настроение. Не давал покоя вопрос – что же на самом деле случилось с Игорем Георгиевичем? Внутренне чутьё подсказывало мне, что дело здесь нечисто. Я припомнила странные намеки Ларисы Романовны, тот ночной разговор, происшествие в коридоре... Определенно, эти события были связаны, но вот увидеть всю цепочку, заканчивающуюся смертью Игоря Георгиевича, мне было не под силу. Впрочем...

Есть у меня такое неприятное свойство – если я задаюсь какой-то целью, то для достижения её сделаю всё возможное и невозможное, даже если прекрасно вижу, что достижение цели не принесет мне ничего, кроме головной боли. Не знаю, отчего меня так задела смерть Игоря Георгиевича. Может быть, потому, что все продолжали вести себя так, словно ничего не произошло? Вот ещё странность: при его жизни я мысленно называла его только по фамилии, а теперь почему-то получалось – по имени-отчеству...

Да, я очень хотела узнать, что же случилось на самом деле. Что произошло с тем молодым жизнерадостным мужчиной с фотографии, из-за чего он стал тем, кем стал? Прежде всего я решила выяснить побольше о самом Игоре Георгиевиче. А что у нас источник знаний? Правильно, книга! И я отправилась в библиотеку.

Я пошла по пути наименьшего сопротивления – взяла подшивку «Вестника магии» за последние годы и углубилась в чтение. Фамилия Давлетьярова попадалась достаточно часто, в основном он выступал соавтором каких-то неудобоваримых монографий, а чаще – критиком или рецензентом. Большинство его высказываний были на грани фола. Удивительно было бы, если бы резкий и злой на язык Давлетьяров со своими беспощадными едкими замечаниями не нажил себе врагов. На меня поглядывали с недоумением: ну над чем можно смеяться в старых пыльных журналах?

Я взяла номера постарее. Здесь Давлетьяров был более сдержан в выражениях, хотя и в завуалированной форме очень обидно высказывался о коллегах. Я обратила внимание, что резкая перемена произошла лет пять назад: сперва было долгое затишье в публикациях, а потом Игорь Георгиевич возник снова, с редкостно ядовитой статьей по поводу «утечки мозгов». Дескать, за границей и наши олигофрены за гениев сойдут.

Перекапывать все номера мне было не под силу, поэтому я наведальась в каталог. Обычно в «Вестнике» печатали обширные интервью с ведущими магами по случаю их юбилеев и просто разных памятных дат. Нашлось такое и у Давлетьярова: одно в подборке интервью, сделанных в годовщину столетия нашего университета, другое – на его собственное тридцатилетие. То есть это они в каталоге нашлись, а в журналах их не было. Я решила было, что перепутала номера или страницы, и принялась снова листать прессу. И обнаружила крайне интересную вещь: те страницы, где полагалось быть статьям об Игоре Георгиевиче, попросту отсутствовали. Кто-то аккуратно вырезал их из толстых журналов, справедливо полагая, что вряд ли найдутся желающие из праздного любопытства копаться в пыльной подшивке.

Это открытие ещё больше убедило меня в том, что дело нечисто. Так... Где ещё можно найти «Вестник магии»? В центральных городских библиотеках его точно нет, это специализированный журнал, тираж у него совсем крохотный. Остаются филиалы университета. До одного из них ехать четыре часа поездом. До другого – десять часов на самолете.

Я не пожалела ни сил, ни времени, снова организовала себе прикрытие с помощью верной Катерины, провела ночь в поезде и наведальась в один из филиалов ГМУ. Там обнаружилась точно такая же картина, с одним лишь отличием: интервью Давлетьярова не было и в каталоге... Лететь через всю страну смысла не было – наверняка я обнаружу там точно такую же картину. Создавалось впечатление, что кто-то предвидел возможность поисков, подобных моим, и озаботился уничтожением информации.

Хорошо, но ведь существуют же личные дела преподавателей? Существовать-то существуют, да только кто же даст мне в них заглянуть... Опять тупик. Игорь Георгиевич не желал раскрывать мне своих тайн...

Я пошарила в Интернете, но и там меня ждало разочарование. Фамилия Давлетьярова упоминалась в списках участников каких-то конференций, семинаров, но и только. На сайте нашего университета не было совершенно ничего, кроме самой общей информации, а больше нигде ничего я найти не смогла.

Обозлившись, я решила погадать на картах Таро. Гадала я не очень хорошо, в нашей группе лучше всего это удавалось Рите. Света тоже была бы неплохой гадалкой, да только вечно путала масти. Когда же дело дошло до старинных африканских гаданий на внутренностях крыс (их брали за неимением обезьян), Свету пришлось выносить из аудитории и отпаивать сердечными каплями.

Однако насколько плохой гадалкой я ни была, я всё же сумела понять, что расклад получается какой-то странный. Я гадала на Игоря Георгиевича, и по всем правилам карты должны были показать смерть этого человека и, возможно, факторы, к ней приведшие, но у меня вышла полнейшая ерунда. Ради интереса я погадала на свою много лет назад скончавшуюся прабабушку, и карты совершенно четко показали, что старушка давным-давно покоится в могиле. Причина кончины оставалась неясной, но это уже другой вопрос. Совсем странно...

Незаметно пролетела неделя. За всеми этими расследованиями я совсем забросила учебу, пришлось нагонять, и на некоторое время мне стало не до «расследования».

В понедельник исполнялось девять дней со смерти Игоря Георгиевича. Выяснить, где он похоронен, было нетрудно. Я купила цветы и поехала на старое кладбище на окраине.

На кладбище стояла пронзительная тишина. Было уже довольно холодно, листья совсем облетели, а их желтый ковер давно превратился в бурю кашу – шел противный мелкий дождь.

Я разыскала свежую могилу за железной оградкой. Несколько жалких венков – «От коллег», «От сослуживцев» (от родных не было ни одного) – успели совсем почернеть и раскиснуть. Я немного прибралась, положила свежие цветы. Две белые хризантемы выглядели как-то вызывающе на фоне грязно-бурой земли.

Фотография на памятнике была не та, что в некрологе. Игорь Георгиевич выглядел таким, каким я его помнила – хмурым и недоброжелательным. Не люблю я памятники с фотографиями. По первости они выглядят еще пристойно, а потом, со временем, портрет портится, меняется до неузнаваемости, до такой степени, что смотреть неприятно и невозможно узнать лицо...

Вдалеке, на одной из путаных дорожек, мне померещилась знакомая фигура. Я скоренько подхватила и зашагала в другую сторону. Встречаться ни с кем мне не хотелось.

Визит на кладбище натолкнул меня на интересную мысль. Странно даже, что я раньше не додумалась. Наверняка ведь у Игоря Георгиевича были какие-то родственники, он же не с луны свалился. Да и в школе он учился, и в университете, причем, подозреваю, именно в нашем, в крайнем случае, в филиале.

Таким образом, моё расследование получило новый толчок. Я добыла несколько баз данных с адресами и телефонами, Давлетьяровых – всё же редкая фамилия – оказалось не так уж много. Я скрупулезно обзвонила все номера, подозревая, что удача улыбнется мне на последнем в списке. Однако я ошиблась. Удача не улыбнулась мне вовсе. Никто из Давлетьяровых и слыхом не слыхивал о некоем Игоре Георгиевиче, а фамилии с его инициалами в базах данных и вовсе не нашлось. Совсем здорово. Может быть, он родом не из нашего города? Тогда вообще пиши пропало!

Я попыталась разыскать бывших одноклассников или однокурсников Игоря Георгиевича, но тщетно. Да и как искать, если не знаешь ни номера школы, в которой он учился, ни специальности в университете... Объявление в газеты дать? Да кто их читает, эти объявления!

Следствие определенно зашло в тупик. Давлетьяров Игорь Георгиевич оказался человеком без роду и племени, бездомным и не числящимся ни в каких списках. Что делать дальше, я не представляла... Возможно, стоило поговорить с Ларисой Романовной, но я не знала, как завести беседу. Нельзя же было просто подойти к ней и попросить рассказать всю правду об Игоре Георгиевиче! Или, может, попросту вызвать его дух, да и побеседовать? Но эту идею я отмела как опасную и нерациональную. Некромантией в университете занимался особый отдел, засекреченный ещё больше, чем наш факультет, их книги хранились не в библиотеке, а тут же, на шестом этаже, в особом помещении, куда нечего было и думать проникнуть.

Только неделю спустя я вспомнила о той комнате, где мне как-то довелось переночевать. Там на столе стоял компьютер! И как я раньше об этом не подумала?

Поздно вечером я толкнулась возле запертой двери и отчаянно желала, чтобы на этой двери стояла защита, и мне не удалось пройти сквозь неё. Да-да, к тому времени нас уже обучили хождению сквозь стены! Но то ли Игорь Георгиевич не боялся непрошенных гостей, то ли не хранил здесь ничего ценного... Словом, я легко проникла внутрь.

Включив компьютер, я подивилась беспечности Игоря Георгиевича – система даже имени пользователя не затребовала, не говоря уж о пароле. Впрочем, в основном там хранились какие-то скучные документы, абсолютно ни о чем мне не говорящие. Хм... а нет ли здесь скрытых папок? Догадка оказалась верной: скрытую папку я нашла и чуть не взвизгнула от радости

– в ней хранились личные дела студентов! И моё в том числе. Предыдущий и последующий курсы меня не интересовали, а вот в наших делах я порылась. Каждому из нас была дана убийственно точная и исчерпывающая характеристика. Вернее, мы все проходили под кодовыми именами: оболтус, умник, проныра, стерва, трусиха и темная лошадка. Темная лошадка – это я. Странно...

Здесь же Игорь Георгиевич отмечал свои впечатления о нас. У Евдокимова было пророчески записано, что долго он не задержится. О Ковалеве было сказано так: «чрезмерное самомнение. Умен. Вероятность 60/40». О Федоренко: «ищет легких путей. Непременно влипнет в криминал. Выбраковка». О Рите: «расчетливая стерва. Честолюбива. Себе на уме. Вероятность 50/50». О Свете: «труслива. Мнительна. Потенциал слабый. Выбраковка». А обо мне – как-то очень странно: «честолюбива. Упряма. Потенциал велик. До крайности походит на Р. Вероятность 90/10». Что означали эти «вероятности», я так и не поняла. Может быть, вероятность того, что из кого-то из нас выйдет-таки маг? Интересно, кто такой... или такая Р.? Как-то Лариса Романовна упоминала, что я чем-то напоминаю девочку, учившуюся двумя годами раньше... Я полазила по личным делам трехлетней давности и нашла там только одну девушку с фамилией на Р. – Рогачеву Марину. Симпатичная такая оказалась девчонка, да и характеристика у неё была более чем положительная. Впрочем, в конце текста безо всяких пояснений было сухо помечено: «отчислена». За что, почему? Нет ответа!

Ещё я отыскала один файл, затребовавший пароль. Я мучилась с ним битый час, но угадать не могла. Я на разные лады пробовала писать имя и фамилию Давлетьярова – и кириллицей, и латиницей, и так, и сяк... пока совершенно случайно, от полного отчаяния, не набрала слово «маг». Файл оказался чем-то вроде дневника Игоря Георгиевича. К сожалению, дат он не ставил, поэтому трудно было понять, о каком периоде идет речь. Сориентироваться я смогла, только найдя упоминание о наборе нашей группы. Определение было емким и коротким: «разгильдяи». А дальше «короткой строкой» шли впечатления от работы с нами. Сплошь неутешительные. Опять же упоминалось моё сходство с этой Р., а обрывался дневник очень странно. Сперва шла запись о происшествии на полигоне (Давлетьяров живописал меня такими словами, что я, читая, отчаянно краснела), а затем такая фраза: «Л.Р. ошиблась, Ч. – идиотка.» Ч. – это, видимо, я, Чернова. Л.Р. – Лариса Романовна. В чем это она ошиблась?

После этого была лишь одна запись, тоже очень короткая: «Л.Р. права. Идиот – я.» Что это могло значить, я так и не смогла понять.

Что ж, теперь у меня образовалась одна зацепочка – Рогачева Марина. В личном деле были её данные, а значит, я смогу её найти. Впрочем, была и ещё одна женщина – та, с которой разговаривал Давлетьяров той ночью. Но я её не видела, слышала только голос, да и то вряд ли смогу его узнать.

Так или иначе, но поиски пришлось отложить – грянули очередные зачеты, к которым мне пришлось усиленно готовиться. Сдать их, правда, я смогла с первого раза и совсем неплохо, но страшно вымоталась.

На сорок дней со дня смерти Игоря Георгиевича я снова наведальась на кладбище. Я угадала – после меня приходил кто-то ещё: рядом со вмерзшими в землю хризантемами покоились красные гвоздики, стояла рюмка. Кажется, полагается приносить что-то с собой, но я совершенно не разбираюсь в этих древних обычаях. Что ж, я надеюсь, Игорь Георгиевич простит меня...

– Наина? – Меня застали врасплох, впрочем, я не сильно удивилась.

– Лариса Романовна?..

– Не ожидала встретить тебя здесь... – Лариса Романовна сейчас совсем не походила на преподавательницу, опытного мага. Скорее можно было принять её за обеспеченную пенсионерку. – Знаешь, я всё думала, кто же приходил к Игорю, но вот не угадала, думала, это...

Она осеклась, а я безразлично спросила:

– Вы думали, это Марина?

– Откуда ты знаешь про Марину? – насторожилась Лариса Романовна.

– Слухом земля полнится, – ответила я, понимая, что сваяла дурака, проговорившись, и попробовала сменить тему: – Странно, что никто больше не пришел. Неужели у него совсем не было друзей, родных?..

– О родных я ничего не знаю, – произнесла Лариса Романовна, и я ей отчего-то сразу поверила. – А друзья... сама знаешь, Игорь был тяжелым человеком, его уважали, но не любили...

– Похоже, он многим успел насолить, – сказала я, просто чтобы не молчать.

Лариса Романовна промолчала, потом проговорила:

– Несправедливо, когда уходят такие молодые... Хотя...

Она не договорила, но я, кажется, поняла, что она хотела сказать: «хотя для него это было лучшим выходом». Знать бы, почему!

Мы ещё постояли молча. Я была благодарна Ларисе Романовне, что она не спрашивает меня, почему я пришла сюда. Я бы и не смогла внятно ответить. Просто... просто так. Потянуло. Я не была близко знакома с Игорем Георгиевичем, да и отношения у нас были далеки от добрых, но вот – потянуло. И я пришла. И было очень грустно от того, что нас всего двое таких: глупая студентка и пожилая преподавательница.

– Идем, Наина, – тихо сказала Лариса Романовна. – Холодно, да и темнеет уже...

Я кивнула и вышла на узкую дорожку. Завтра я поеду по двухлетней давности адресу, который раскопала в личном деле Марины Рогачевой. Может быть, она там уже и не живет, но всё равно её будет легче разыскать, чем кого-то другого из прошлого Игоря Георгиевича, кого-то из тех, кто не оставил вообще никакого следа.

Марина Рогачева жила в недалеко от центра города. Заявляться прямо к ней домой я не рискнула, решила сперва расспросить соседей. Дом старый, наверняка все всё друг про друга знают.

Я подошла к куковавшим на лавочке бабулькам и вежливо поздоровалась. Бабки устали на меня с несомненным любопытством, что только облегчило мне задачу: нам уже успели преподать основы гипноза. Впрочем, сильного воздействия и не требовалось, нужно было лишь притупить их естественное недоверие к чужакам.

– Рогачева? – задумалась одна из бабушек. – Это из второго подъезда, что ли?

– Точно, точно, – подтвердила вторая. – Только она уж год как Астахова.

– Верно, – кивнула первая и повернулась ко мне. – Ты домой-то к ней не ходи, нету её сейчас дома.

– А не знаете, где она? Может, телефон рабочий... – попросила я. – Где бы её найти?

– А чего её искать, – пожал плечами вторая бабулька. – Вон она, с дитем гуляет.

Действительно, неподалеку прохаживалась молоденькая девушка с коляской. Я поблагодарила бабок и резвым шагом направилась к девушке. Она как раз присела на скамейку.

– Здравствуйте, Марина, – сказала я.

– Здравствуйте, – настороженно отозвалась она. – Мы знакомы?

– Нет, – ответила я, осторожно пытаюсь применить гипнотическое воздействие. Не тут-то было. Кое в чем Марина была определенно сильнее меня, и с ней этот фокус не прошел.

– И что вам от меня надо? – резко спросила Марина.

– Да в общем-то ничего, – пожал я плечами. – Просто хотела сообщить вам, что Игорь Георгиевич умер.

Я в жизни не видела, чтобы люди так быстро бледнели. Марина в секунду сделалась мучнисто-белой, потом на скулах проступили рваные алые пятна.

– Как?.. – еле выговорила она.

– Обыкновенно, – ответила я. – Уже месяца полтора тому...

– Да нет! – Марина даже привстала. Ребенок в коляске сердито закричал, но она не обратила на него внимания. – Я хочу знать, как именно он умер!

– Я не знаю, – обескураженно сказала я. – Да зачем вам?..

– Затем, что он мне жизнь сломал... – сквозь зубы произнесла Марина. – Надеюсь, ему пришлось помучиться!

Я аж поперхнулась от неожиданности.

– Откуда вы обо мне знаете? – вдруг спросила Марина. – Что, разговоры ещё ходят?

Я пожала плечами.

– Да так...

– С-сволочи, – прошипела Марина.

Я поняла, что подробный рассказ мне здесь не светит, и повернулась, чтобы уйти.

– Погодите! – крикнула вслед Марина. – А где он похоронен?

– Не знаю, – ответила я, не поворачивая головы.

Всё больше и больше непонятного. Что такого сделал Марине Игорь Георгиевич? Лариса Романовна говорила, что девушка бросила университет из-за придирок Давлетьярова, но, по моему, Марина не выглядела чрезмерно ранимой. Тут крылось что-то другое, но что? Следствие моё зашло в тупик. Больше ничего выяснить я не могла. Впрочем, я сама свалила дурака: не надо было вот так напрямик заговаривать с Мариной. Наверно, стоило попробовать якобы случайно познакомиться с ней, войти в доверие – глядишь, она и сама бы всё рассказала. Вот уж верно – идиотка я первостатейная! Да что уж после драки кулаками махать...

Зима тянулась нескончаемо. Я с головой ушла в учебу и постаралась забыть о незавершенном расследовании. Это дельце оказалось мне не по зубам.

В один из весенних дней мне понадобилось навестить в библиотеку. Шаря по полкам в поисках нужной книги, я случайно столкнулась с незнакомым мужчиной. Я извинилась, но он не обратил на меня никакого внимания, будучи поглощенным книгой. Манера держать толстый том на сгибе локтя показалась мне удивительно знакомой. Мужчина поднял руку, чтобы перевернуть страницу – золотой искоркой подмигнул черный камень перстня...

– Игорь Георгиевич?.. – Я схватилась за стеллаж, чтобы не упасть.

Мужчина вздрогнул так, что едва не выронил книгу. Взглянул на меня. Лицо было совершенно незнакомое – грубоватое, широкоскулое. Глаза карие, волосы темные. Не он...

– Вы с кем-то меня спутали, – вежливо сказал он. Голос тоже был незнакомый. – Позвольте пройти.

– Но... у вас кольцо... – начала я заикаться.

– Весь наш выпуск носит такие кольца, – терпеливо пояснил мужчина. – Студенческий обычай. Разрешите...

Он протиснулся мимо меня и направился к выходу. Я стояла в полном ошарашении. Студенческий обычай... как же, слышали о таком. Выпускники нашего университета, каждая группа, имели что-то вроде отличительного знака: кольцо, брелок, значок... Мало кто носил их всю жизнь, но обычай существовал, так что ничего удивительного в том, что у этого мужчины и Давлетьярова оказались одинаковые кольца, не было. Но это же...

Я поспешила к выходу. Незнакомец уже ушел, и я спросила Леночку:

– Лен, а кто это был?

– Кто? – не поняла она.

– Ну, передо мной вышел, – пояснила я. – Наглый такой тип, толкнул, даже не извинился...

– Это Лодыгин Петр Сергеевич, – сказала Леночка, заглянув в формуляр. – Да, давненько он в библиотеке не был, первый раз за три года явился!

Отлично! У меня есть имя человека, предположительно учившегося вместе с Давлетьяровым! И что мне с ним делать?

Я пошла уже испытанным путем: засела за подшивку «Вестника магии». Лодыгин печатался часто, в основном с нудными и чудовищно длинными научными статьями. Кстати, он частенько становился объектом безжалостной критики Давлетьярова. Полгода назад в публикациях наступило затишье, а потом Лодыгин вдруг сменил стиль публикаций. Тематика осталась практически прежней, но вот стиль, обороты речи, даже излюбленные примеры – всё очень сильно напоминало статьи покойного Давлетьярова. Ну что ж, коллега в могиле, никто не обвинит в наглom плагиате...

Интервью с Лодыгиным были на месте. Он оказался довольно заурядным типом: родился, учился, работал... Впрочем, о какой заурядности может идти речь, если он закончил особый факультет ГМУ?.. Но, совершенно определенно, творческой жилки в Лодыгине не было. Сейчас он ведал какими-то жутко засекреченными разработками, а проще говоря – руководил теми, кто умел мыслить творчески.

Хорошо, я ознакомилась с краткой биографией Лодыгина, и что мне это дает? Абсолютно ничего. Конечно, можно заявиться в архив, как-нибудь обаять сотрудников – хотя там работают такие старые гримзы, которых никакая кинозвезда не обаяет! – и попробовать выяснить более точные данные Лодыгина. Я уже успела убедиться, что ни адресов, ни телефонов серьезных магов в обычных базах данных нет и быть не может. Тогда можно было бы начать копать «вглубь»: поискать других однокашников Давлетьярова, может быть, даже бывших одноклассников...

Я начала продумывать этот план и даже покрутилась около архива, где, как мне удалось выяснить, хранились личные дела преподавательского состава. Охранная система там стояла о-го-го какая, почище, чем в библиотеке! Нечего было и думать пробраться туда тайком. На этот раз у меня такой фокус не пройдет.

Так! А не дура ли я? Я покопалась в компьютере Давлетьярова, а о столе-то его позабыла! Чем черт не шутит, вдруг там завалилась какая-нибудь телефонная книжка или ежегодник, где могут оказаться телефоны друзей, знакомых, да мало ли, что еще! И я снова отправилась «на дело»...

Вечером на шестом этаже совсем тихо и пусто. Я даже не сомневалась перед тем, как войти в комнату. Вошла... и чуть не получила разрыв сердца – за монитором кто-то сидел.

По-моему, этот кто-то, оказавшийся, кстати говоря, Лодыгиным, тоже едва не рухнул со стула при виде меня.

– И-извините... – выдавила я и собралась ретироваться, но не тут-то было – ни с того ни с сего сработала защита, и я чуть не разбила лоб об стенку.

– Чернова, тебе не кажется, что ты наглеешь? – спросили за спиной. Голос принадлежал Лодыгину, но тон, которым это было сказано!.. – Я разве разрешал тебе заходить сюда?

– Так это в самом деле вы? – тихо спросила я, медленно оборачиваясь.

– Ты чересчур настырна, Чернова, – сказал «Лодыгин». По мере того, как он говорил, тембр его голоса плавно изменялся, и если «ты» произнес Лодыгин, то «Чернова» проговорил уже Давлетьяров.

– Игорь Георгиевич, для чего вы?.. – начала было я, но он перебил:

– Зачем ты влезла в это?

Я пожалала плечами. Похоже, этот жест становится у меня излюбленным.

– Сама не знаю. – Тут я немного осмелела и попросила: – Игорь Георгиевич, а вы не могли бы... ну... А то так странно с вами разговаривать...

– Чернова... – Игорь Георгиевич, не договорив, встал и отошел к окну. Потом обернулся.

Глаза его неуловимо меняли цвет с карего на тускло-зеленый, светлели волосы. Так же быстро изменялось лицо, превращаясь из сытой хари администратора Лодыгина в знакомую физиономию Давлетьярова. Казалось, он ещё больше похудел за эти полгода.

– Тебе надо было идти в юридический, Чернова, – сказал он. – Из тебя вышел бы отличный сыщик. Ты раскопала то, чего тебе знать совсем не полагалось.

Я, наверно, немного изменилась в лице. Мало приятного в том, чтобы влипнуть в тайные игрища магов!

– Игорь Георгиевич, что происходит? – спросила я, поражаясь собственной наглости. – Расскажите!

Давлетьяров присел на подоконник, ссутулив широкие плечи, и стал похож на большую усталую птицу.

– В конце концов, почему бы и нет... – сказал он...

...Жили когда-то двое мальчишек, росли в одном дворе, ходили в один и тот же класс и даже поступили в один и тот же университет. Банальная, в общем-то история, если бы эти мальчишки не собирались стать магами. Впрочем, им сулили отличные перспективы: у обоих был превосходный потенциал, обоих забрали на таинственный шестой этаж. Вот только один из них обладал чересчур норовистым характером, был резок в общении и совершенно не умел находить общий язык с начальством. Второй был потише, поспокойнее, и больше всего ценил своё тяжким трудом заработанное место в престижной организации. Он отлично ладил с руководителями, впрочем, никогда не опускаясь до прямого подхалимства, но в области закулисных интриг достиг нешуточных высот. И если первый со временем обещал стать великолепным магом-практиком, второй пошел по пути теоретических исследований и вскоре заполучил под своё руководство серьёзный проект.

К тому времени от их дружбы мало что осталось. Первый презирал второго за лизоблюдство, второй считал первого неумным гордецом, впустую растрачивающим свои немалые силы. Вскоре взаимная неприязнь перешла в открытую вражду.

Однако второй умел работать на благо не себе одному и мог, когда нужно, смирить гордыню. Для участия в эксперименте требовался маг высочайшего класса, и, если бы второй был способен, он сам сделал бы всё возможное и невозможное. Увы, к тому времени его потенциал уже не мог считаться исключительным. И тогда второй пошел на поклон к первому.

Первый не сразу согласился на эксперимент, второму пришлось довольно долго уговаривать его, просить и унижаться. В конце концов согласие всё же было получено, и первый, гордый своей исключительностью, предоставил себя в распоряжение группы исследователей.

– Теперь-то я понимаю, что это было сродни попытке запустить реакцию термоядерного синтеза где-нибудь в поле, у костерка, – усмехнулся Игорь Георгиевич...

Эксперимент закончился чудовищным крахом. Впрочем, с самого начала было понятно, что результаты не могут быть предсказаны хотя бы с малой долей вероятности. Но произошедшее превзошло самые худшие ожидания. Безумно дорогая установка была полностью разрушена, но что хуже всего – серьёзно пострадал принимавший участие в эксперименте маг.

Насколько я поняла, это было примерно то же, как если бы певец попытался взять чересчур высокую для него ноту и напрочь сорвал себе голос.

– Я вообще не помню, что произошло, – сказал Игорь Георгиевич. – Пришел в себя через несколько дней...

...И почти сразу понял, что его карьере пришел конец. От казавшихся почти безграничными возможностей остались жалкие крохи. Впрочем, очень медленно утраченное восстанавливалось, иногда прорывались утерянные было способности – вроде умения проходить сквозь разграничитель пространства. А в остальном... Усилие, когда-то остававшееся незамеченным, теперь оборачивалось многодневными приступами слабости и головной боли.

– ...Это всё равно что сломать позвоночник, – с невеселой усмешкой произнес Игорь Георгиевич. – Может быть, когда-нибудь ты и сможешь передвигаться, но бегать тебе уже не придется.

Но хуже всего было ощущение полной своей бесполезности. Нет, его не выставили из университета, напротив, обеспечили не слишком обременительной работой и старались загладить неприятные воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.